

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
И ПРАКТИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ

Методология, теория и история психологии

Коллектив авторов

**Взаимоотношения
исследовательской и
практической психологии**

«Когито-Центр»

2015

УДК 159.9
ББК 88

Коллектив авторов

Взаимоотношения исследовательской и практической психологии
/ Коллектив авторов — «Когито-Центр», 2015 — (Методология,
теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0307-5

Книга посвящена одной из наиболее острых проблем психологической науки и практики – проблеме взаимоотношений между ними. Авторы анализируют различные аспекты этих взаимоотношений – как когнитивные, связанные с психологическим знанием, так и социальные, коренящиеся в состоянии психологического сообщества. Выдвигаются и отстаиваются различные позиции в отношении влияния сложившихся взаимоотношений между исследовательской (академической) и практической психологией на развитие каждой из них. Книга состоит из двух частей. В первой рассматриваются общие когнитивные и социальные проблемы взаимоотношения двух разделов психологии, во второй – их взаимодействие в конкретных областях психологического знания и социальной практики.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-9270-0307-5

© Коллектив авторов, 2015
© Когито-Центр, 2015

Содержание

Часть I	6
А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юевич	6
А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков	13
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Взаимоотношения исследовательской и практической психологии

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2015

* * *

Часть I

Социальные и когнитивные проблемы взаимодействия исследовательской и практической психологии

А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич Академическая психология и практика: история отношений и современные проблемы (вместо предисловия)

История отношений академической психологии и практики в нашей стране прошла несколько этапов. В первые советские годы полная энергии психология, вооружившись марксизмом, чувствовала в себе готовность решать крупные проблемы – формирование нового человека. Первоначальный энтузиазм иссяк к середине 1930-х годов, однако желание принести практическую пользу сохранилось, приняв менее радикальные формы. Стремившаяся реорганизовать производство психотехника была закрыта, как и реформистски ориентированная педология, но психология продолжала решать практические задачи, причем в разных сферах жизни. Показателен в этом отношении период Великой Отечественной войны, когда психологи были направлены на военные задачи от реабилитации раненых с поражением головного мозга до разработки маскировки в целях снижения разрушительной силы бомбардировок. В 1960-е годы в связи с развитием инженерно-психологических исследований психология стала полезна космонавтике и авиации, что способствовало повышению ее престижа и институционализации в качестве науки, имеющей представительство в Академии наук СССР (Журавлев, Ушаков, 2006).

История отношений теоретико-экспериментальной психологии с практикой и история рефлексии этих отношений – не совсем одно и то же. Реальные отношения модифицируются достаточно плавно, а рефлексия, проходящая сквозь призму идеологических воззрений своего времени, периодически претерпевает скачкообразные изменения. В 1970–1980-е годы в рефлексии стали преобладать более или менее реалистические науковедческие взгляды, предполагавшие при этом вполне гармоничные отношения между фундаментальной наукой и практикой. Классическое понимание связи теории, эксперимента и практики в психологии в рамках этого этапа выразил Б. Ф. Ломов (Ломов, 1984). Фундаментальная теория должна верифицироваться (или, по К. Попперу, фальсифицироваться) в эксперименте и снабжать проверенными знаниями практику, а практика, в свою очередь, способна, с одной стороны, проявить ценность теории, а, с другой – поставить перед теорией такие вопросы, которые будут стимулировать ее развитие. В результате «взаимодействие... теории, эксперимента и практики есть необходимое условие развития всей системы психологических наук» (Ломов, 1984, с. 51).

Однако на постсоветском этапе, начавшемся в 1990-е годы и фактически продолжающемся по сегодняшний день, в концептуализации отношений фундаментальной психологии с практикой произошли серьезные изменения. Начиная с этого исторического момента, мы будем анализировать изменение воззрений подробнее. Можно указать на *три основные причины* произошедшего переосмысления.

Во-первых, психологическая практика в конце XX в. бурно разрослась и охватила новые сферы, которые оказались весьма востребованными населением. Это, в первую очередь, относится к различным формам психотерапии, которые в 1990-е годы пережили в нашей стране настоящий бум. Тем самым численно возросшая и укрепившаяся собственными кадрами пси-

хологическая практика обрела право независимого голоса, который оказался далеко не всегда совпадающим с голосом академических ученых.

Во-вторых, если в советское время психологические службы и подразделения были, как и все прочие, государственными структурами и опирались поэтому на разработки государственных НИИ или вузовскую науку, то с развитием рыночной экономики появился сектор частных психологических и психотерапевтических услуг. Тем самым относительному организационному единству фундаментальной психологии и практики был положен конец. Более того, как часто случается, «маятник» развития качнулся в противоположную сторону – к отрицанию положительных сторон подобного единства.

Наконец, в-третьих, важную роль в переосмыслении связей академической науки и практики сыграла философия и методология постмодернизма. В контексте характерного для постмодернизма видения мира как фрагментарного и раздробленного выпукло выступили разрывы и нестыковки между академическим психологическим знанием и практикой (Степин, 1990; Теория и методология..., 2007; Юревич, 2000).

В результате в 1990-е годы начала создаваться совсем другая, радикально неклассическая картина соотношения фундаментальной психологии и психологической практики. Стали раздаваться голоса, свидетельствующие о том, что практическая психология (речь шла преимущественно о такой ее отрасли, как психотерапия) существует сама по себе, без опоры на экспериментальную науку (Василюк, 1996; Юревич, 2000). Было отмечено, что психологический процесс воздействия продолжает по-прежнему во многом оставаться искусством, «ускользая» от строго научных методов оценки (измерения) и проверки. Получается, что об одном и том же предмете, человеческой психике, существуют, по меньшей мере, два рода знания, один из которых экспериментально проверяем, но по каким-то причинам не отвечает потребностям психотерапевтической практики, а другой, наоборот, соответствует нуждам практикующих психотерапевтов и ими порождается, но плохо поддается экспериментальной проверке. Результатом идейного разделения оказывается социальное размежевание: сообществ, систем образования, научных ориентиров, авторитетов, кругов общения и т. д.

Похоже, однако, что в последнее время мы становимся свидетелями появления тенденций, направленных в противоположную сторону – на сближение академической и практической психологии (Проблемы фундаментальной и прикладной психологии..., 2008; Психологические проблемы семьи..., 2012; Психологическое воздействие в условиях..., 2014; Психологическое воздействие: механизмы..., 2012). На это есть серьезные основания.

Прежде всего, рассмотрение связи академической психологии с разными областями практики приводит к различным результатам в зависимости от того, о какой сфере практики идет речь. Картина, ставшая результатом рефлексии в 1990-е годы, во многом возникла по той причине, что предметом этой рефлексии была именно психотерапия. Как отмечалось выше, психотерапия оказалась в тот период чрезвычайно актуальной областью. Время, однако, перемещает акценты, и сегодня возникает потребность в более широком взгляде, интегрирующем различные сферы науки и практики. Действительно, в психотерапии очень мало нового выросло из лабораторных экспериментов. Однако не стоит генерализировать это утверждение и переносить его на другие отрасли психологической практики. Можно привести множество примеров. Инженерная психология и эргономика, как в 1960-е гг., так и сегодня, черпают свои основания из лабораторных экспериментов по переработке информации человеком (Ломов, 1984, 2006). Психологические подходы к подбору персонала основываются на четко проведенных исследованиях, показывающих прогностическую валидность индивидуальных особенностей личности (Hunt, Gotfredson). На экспериментальных данных по влиянию различных воздействий на убеждения людей строятся техники коммерческой и политической рекламы. Подобного рода примеры можно множить и далее. Следовательно, *представление о связи фундаментальной психологии с практикой надо строить на всей совокупности фактов, а не*

только на основе фрагмента реальности, связанного с различными формами консультационной практики.

Этого аргумента достаточно, чтобы не драматизировать проблему связи фундаментальной психологии с практикой в целом, а ясно понимать, что фундаментальная психология имеет немало практических приложений (Психологические исследования..., 2011; Психологические проблемы современного..., 2012; Психология нравственности..., 2010; Психология человека..., 2014; Рубцов и др., 2009). Однако те области, где практика носит автономизированный характер, представляют специальный интерес для изучения как в силу своей специфичности, так и потому, что их голос особенно громко слышен. Впрочем, для этих областей в последние два десятилетия тоже появились основания, позволяющие более детально говорить об их дистанцировании от фундаментальной науки.

К таким областям относится психотерапия, разрыв которой с экспериментальной психологией за истекшие 15 лет если и сократился, то не кардинальным образом. Однако стало меняться отношение к этому разрыву, и все более очевидным становится то, что констатация расхождений между теорией и практикой – это констатация ограниченности и теории, и практики.

В самом деле, последствия разрыва чувствуются в практической психологии, поскольку отсутствие опоры на эксперимент – существенный недостаток практики. Ведь стержень фундаментальной науки – система процедур проверки знания. Основанная на эксперименте теория является наиболее динамичной и энергично развивающейся. Такая теория приспособлена к тому, чтобы успешно прогрессировать в условиях разделения труда научного сообщества. При ней существуют эксплицитно установленные критерии, которые позволяют каждому члену сообщества предлагать свой способ развития моделей. Обратная связь, создаваемая экспериментом, приводит к опознанию области недостаточности теории и выявлению точек роста.

Лишенная этих процедур, да еще и имеющая дело со столь неопределенным и трудноизмеримым объектом, как психика, психологическая практика сталкивается с серией проблем, связанных, с одной стороны, с недостаточными темпами развития, а с другой – неоптимальной организацией сообщества.

Понятно, что отсутствие потока идей из теоретико-экспериментальной психологии, питающего технологические разработки, не способствует ускоренному развитию технологий. Кроме того, простой аргумент, являющийся аксиомой, например для бизнеса, гласит: чтобы улучшить, надо измерить. Для того, чтобы корпорация могла улучшить какой-то показатель своей деятельности, например качество товара, необходимо для начала его измерить, объективно зафиксировать. Затем уже можно разрабатывать меры по улучшению качества, эффективность которых удастся оценить. Так, и для эффективного развития психологической практики нужна оценка результатов.

Итогом, например, в такой области, как психотерапия, является неясность вопроса о ее развитии на протяжении последних, скажем, 50 лет. Добились ли за это время психотерапевты лучших результатов? Введены ли более эффективные новые подходы? Стали ли эффективнее старые методы, подобные психоанализу? Ответить на эти вопросы точно затруднительно ввиду недостаточности научных данных для ответа. «На глаз» же существенный прогресс не выглядит очевидным. Контраст с рядом опирающихся на теоретико-экспериментальную науку областей медицины, где за тот же период произошли революционные изменения, разителен.

Наиболее очевидной проблемой психотерапевтического сообщества является разделение на школы. «Существование множества школ, противоречащих друг другу в самых принципиальных положениях, давно воспринимается как некий вызов» (Сосланд, 2006, с. 54). Очевидно, что возможность выяснить истину в этих принципиальных положениях отсутствует без привлечения *воспроизводимых способов проверки*, которые предлагаются экспериментальной наукой.

Известный московский психотерапевт идет еще дальше в анализе особенностей психотерапевтического сообщества: «Предполагалось, что психотерапевтический метод создается ради нужд пациента... Правда заключается в том, что новые идеи и техники появлялись чаще всего для обслуживания интересов их создателя... новая теория и техника очерчивали некую область, в которой их автор (и вслед за ним его последователи) осуществлял свое господство. Нам даже не надо особенно затруднять себя примерами из истории психотерапии, ибо, мы уверены, это все понятно и так» (Сосланд, 1999, с. 7). В этом, по мнению автора, заключена причина разделения психотерапии на множество школ с разными методами и борьбы этих школ между собой. «Создание новых методов, как ясно всем... зачастую *никак не связано с действительными потребностями психотерапевтической практики, с интересами пациента* (здесь и далее курсив авторов. – А. Ж., Д. У., А. Ю.) ... Толчком к созданию новых методов в большинстве случаев не являются соображения, связанные с интересами пациента. *История психотерапии – это в первую очередь история желаний психотерапевтов создавать свои школы*» (там же, с. 12–13). По мнению А. И. Сосланда, психотерапевт – «идеобаллический»¹ специалист наравне с философом, священником, миссионером, политиком.

Очевидно, что «идеобаллическое» сообщество не предназначено для эффективного совершенствования своих инструментов. В нем сложно объективировать отношения между членами, решать научные споры общепризнанным способом. Теряется способность отличать эффективное от неэффективного, аргументировать эффективность и т. п.

Все вышеперечисленное дает основание для таких оценок: «К психотерапии пока не подходят никакие мерки, которые вполне уместны, когда речь заходит о сформированных научных дисциплинах» (Орлов, 2006, с. 83). «То, что существует в общественном сознании, то, что „у всех на устах“, – не психотерапия, как не психотерапевты и те, кто мелькает на страницах глянцевого журналов» (Орлов, 2006, с. 85).

Существует ли какой-либо иной путь преодоления перечисленных проблем, кроме сближения практики с теоретико-экспериментальными исследованиями? Другого пути не видно, поскольку только этим способом можно ввести объективные критерии, обеспечивающие поступательное движение. Таким образом, сближение с теоретико-экспериментальной психологией, если оно возможно, выглядит очень желательным.

Кроме этих стратегических соображений, существуют и тактические, более конъюнктурные. Примерно 10 % россиян, которые обращаются к психотерапевтам, относятся в основном к обеспеченным и образованным слоям общества (Бондаренко, 2006). Эти люди все больше становятся способны собрать информацию о научной оценке предлагаемой им терапии, в частности, используя ресурсы Интернета. В значительной степени таким путем пополняются ряды пациентов, желающих иметь дело с представителями *доказательной медицины*. И именно такие клиенты обращаются скорее к психотерапевту, чем к колдуну или гадалке.

Этот фактор дополняется идейными влияниями других областей – как смежных научно-практических сфер в нашей стране, так и психологической практики за рубежом. Движение доказательной медицины, о котором речь пойдет ниже, оказывает серьезное воздействие на психотерапевтическую практику в странах Запада (Журавлев, Ушаков, 2011а-д, 2012). Отечественная психотерапия в большой своей части сформировалась на базе заимствования западных методов. При этом естественно происходит некоторое запаздывание, и влияние доказа-

---

¹ «...идеобаллия (от гр. idea – общее свойство, идея, начало, основание, принцип; ballo – бросать, кидать, метать) – деятельность, соединяющая в себе... и производство идеи, и ее распространение в коммуникативном пространстве» (Сосланд, 2006, с. 61). «Идеобаллия состоит из трех основных моментов: производство идеологии, распространение ее в пространстве, рекрутирование максимального количества последователей данной идеологии» (Сосланд, 2006, с. 61). А. И. Сосланд также цитирует К. Ясперса, который писал о «почти неизбежном стремлении превращать психотерапию в мировоззренческое учение и формировать из круга, образованного им самим, его учениками и пациентами, сообщество наподобие религиозной секты».

тельного подхода в нашей стране еще только начинается. Во всех случаях опора на науку становится важной имиджевой составляющей успеха практикующего психолога.

Конечно, исторически психоанализ сумел стать весьма уважаемым, в результате состоялось его принятие как объекта для размышлений философами и писателями. Астрологии этого не удалось. Такое принятие, помимо какого-либо желания самих мыслителей, объективно самый сильный рекламный ход, который возможно предпринять. Приходя к психоаналитику, образованный пациент знает, что находится у представителя профессии, которая освящена авторитетом Ж.-П. Сартра, Т. Манна или С. Дали, пусть и не принимавших психоанализ, но всерьез к нему относившихся. Однако годы наибольшей популярности психоанализа позади, от него веет уважаемой древностью. Это уже не тот инструмент, который воспринимается как находящийся на волне современности, которую «захватили» генетическая инженерия или нанотехнологии и с которой «удаляются» даже термоядерный синтез и орбитальные станции. Психоанализ не сумел модернизироваться, связавшись с какими-либо актуальными открытиями науки. Критерием уважаемости все больше становится проверенность.

Еще один источник перемен заключается в общем изменении общественной атмосферы: 2000-е годы в сравнении с 1990-ми, – это период частичного возвращения государства в экономику и социальную жизнь, которое коснулось и психологической практики. В этот период произошло новое «огосударствление» практики, появление запроса на нее от государственных структур, сравнимого с частным, а нередко и превосходящего его. В частности, знаменательным событием стало создание и поступательное развитие Московской службы психологической помощи населению. Служба стала первым в нашей стране подразделением, проводящим психологическую работу в масштабах целого региона, причем таким регионом стала финансово и интеллектуально мощная столица страны. Продолжилось и формирование ведомственных психологических служб, среди которых, пожалуй, наиболее примечательно развитие психологической службы в составе Министерства по чрезвычайным ситуациям.

Развитие государственных психологических служб изменяет сложившуюся ситуацию. К сожалению, исторически сложившиеся в нашей стране условия таковы, что слова «функционер», «бюрократ», «чиновник» приобрели в русском языке выраженную отрицательную коннотацию, и мы нередко верим в злые намерения этих «персонажей» в отношении всего доброго и разумного, в том числе и психотерапевтических начинаний. Однако организационная логика и здравый смысл состоят в том, что государственные структуры не только имеют право, но и обязаны отдавать отчет по эффективности потраченных средств, в частности, что средства, потраченные на психологическую помощь населению, принесли какую-либо реальную пользу. А как это сделать, кроме как путем точной оценки эффектов психологического воздействия?

Такая оценка не вызывает у практикующих психологов никакого восторга и даже одобрения. Наши западные коллеги столкнулись с подобными проблемами почти два десятилетия назад и в несколько другой форме – в виде готовности страховых медицинских касс поддерживать только те виды терапии, эффективность которых доказана. У нас практика поддержки психотерапии страховой медициной не развита, однако масштабы государственных служб стали весьма значительными. Впрочем, пока административные органы в нашей стране не проявляют особой активности в этой области, что позволяет рассматривать этот фактор скорее как потенциальный, чем как реально действующий.

Все же в настоящее время эта ситуация оказывает влияние на психотерапию, поскольку постановка задачи государственными органами оказывается специфической. Она касается в основном человека в особом социальном контексте, связанном с риском – стрессовом, в связи с конфликтами и террористической угрозой, эмоционально осложненным, как в случае сиротства, неполных семей и т. д. При этом сразу же появляется возможность и необходимость исследовать психологические факторы, влияющие на динамику и исход этих ситуаций (Проблемы психологической безопасности, 2012; Совладающее поведение..., 2008; Стресс, выгорание...,

2011; и др.). Итак, целый ряд складывающихся в систему обстоятельств подталкивают психологическую практику к сближению с теоретико-экспериментальными исследованиями. Для теоретико-экспериментальной психологии последствия отрыва от некоторых областей практики тоже негативны и существенны, хотя они проявляются не столько в ее внутреннем состоянии, сколько во внешнем положении, социальном престиже и вытекающих отсюда следствиях. Для академических психологов наличие практической приложимости их фундаментальных разработок – предмет профессионального самосознания и профессиональной гордости.

Литература

- Бондаренко А. Ф.* Психотерапия: тип социальности и сетевой маркетинг // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 68–76.
- Васильюк Ф. Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Введение в издательскую серию «Научные школы ИП РАН» // Психология творчества: школа Я. А. Пономарева / Под ред. Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006. С. 9–18.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011а. № 3. С. 5–16.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Практична ли фундаментальная психология? // Знание. Понимание. Умение. 2011б. № 2. С. 42–49.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Теория и практика психологии: взаимодействие и противоречия // Вестник практической психологии образования. 2011 в. № 2 (27). С. 15–20.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Исследование психологической практики как путь ее сближения с фундаментальной психологией // Вестник практической психологии образования. 2011 г. № 3 (28). С. 17–21.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Фундаментальная психология: пути к практике // Наука. Культура. Общество. 2011д. № 4. С. 21–32.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В.* Теоретико-экспериментальная психология и практика: встречный курс // Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 9–71.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Ломов Б. Ф.* Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Орлов А. Б.* Психотерапия в процессе рождения // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 82–96.
- Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое воздействие в условиях межличностной и массовой коммуникации / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Психология нравственности / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

Психология человека и общества: научно-практические исследования / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Рубцов В. В., Журавлев А. Л., Марголис А. А., Ушаков Д. В. Образование одаренных – государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.

Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.

Сосланд А. И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии. М.: Логос, 1999.

Сосланд А. И. Психотерапия в сети противоречий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3. № 1. С. 46–67.

Степин В. С. От классической к постнеклассической науке (изменение оснований и ценностных ориентиров) // Ценностные аспекты развития науки. М., 1990. С. 152–166.

Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Юревич А. В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–47.

А. Л. Журавлев, Д. В. Ушаков

Пути и принципы взаимодействия теоретико-экспериментальной психологии и практики²

Уточним основные понятия, в частности, то, что понимается под *академической психологией*. Понятие академической науки этимологически имеет институциональный смысл: это та наука, которая развивается в исследовательских учреждениях академий. В реалиях западных стран ее следует скорее назвать университетской, поскольку там основную научно-исследовательскую нагрузку несут университеты, а не академии. Университеты ведут подобную работу и в нашей стране, поэтому можно предложить термин «академико-университетская психология».

Однако отнюдь не все научные сотрудники академий и преподаватели университетов имеются в виду, когда речь идет об академической психологии и обособившейся от нее практике, в основном психотерапевтической. В университетах, как западных, так и отечественных, трудятся, например, немало психоаналитиков, которые привержены клиническим методам и занимаются психотерапевтической практикой. Это означает, что граница обсуждаемого раскола имеет не институциональный характер, а относится к способам работы со знанием, различие в которых приводит к образованию обособленных профессиональных сообществ.

Термин «академический» этимологически и семантически близок слову *академичный*, т. е. следующий определенным канонам, которые связывают с «хорошей наукой». Однако вновь это не очень удачный демаркационный критерий, поскольку, пожалуй, трудно отказать ряду психоаналитиков в академичности, в то время как представители противоположного полюса могут быть академичными не в полной мере.

Может быть, адекватнее в рассматриваемом контексте использовать термин *фундаментальная психология*? Фундаментальная наука противопоставляется не только практике, но и прикладной науке. Фундаментальная наука устанавливает общие закономерности явлений. Прикладная наука на их основе строит модели конкретных процессов, имеющих практическое значение. Практики создают устройства, технологии и осуществляют их применение. Например, фундаментальная психология изучает, среди прочего, общие закономерности переработки информации, инженерная психология как прикладная отрасль строит модели переработки информации оператором при управлении различными техническими устройствами, которые затем могут быть использованы практиками при создании этих устройств и организации работы с ними (Ушаков, Журавлев, 2011в, 2012б).

Этот анализ значения термина показывает, что ни в рамках данной статьи, ни в каком-либо другом контексте заменить словосочетание «академическая психология» на «фундаментальная психология» нельзя. Академическая наука шире фундаментальной, и разрыв между фундаментальными и прикладными областями психологии не проходит. Более того, например, теория З. Фрейда в ряде аспектов (общие представления о личности и ее взаимодействии с обществом) вполне может быть названа фундаментальной, хотя включает и прикладные аспекты, и применяемые на практике психотерапевтические техники.

Настоящий водораздел проходит по линии использования *контролируемого эксперимента*. Одна психология, часто именуемая академической, строит теории на основе эксперимента или воспроизводимого исследования, а другая, именуемая практической, сверяет их с клиническим наблюдением и строит на них практическую деятельность, не особенно заботясь о воспроизводимой проверке.

---

² Государственное задание ФАНО РФ № 0159-2015-0011.

Отсюда в качестве вторичных возникают и остальные определения. Наука, основанная на эксперименте, должна быть связана с лабораториями, находящимися в университетах и академиях, что, однако, не мешает науке, не имеющей к эксперименту отношения, обосновываться там же.

В то же время эту науку не совсем точно было бы назвать экспериментальной, поскольку, предполагая эксперимент в качестве необходимого звена, она к нему не сводится. В психологии, конечно, нет такой выраженной специализации, как в физике: на теоретиков и экспериментаторов. В психологии, с одной стороны, не столь развитый моделирующий аппарат, как в математической физике, а с другой стороны, не столь сложная аппаратная организация эксперимента. Функции теоретика и экспериментатора в нашей науке в результате тесно связаны.

Практика в таких областях психологии, как психотерапия, где нет опоры на воспроизводимый эксперимент, тем не менее не может быть названа атеоретичной: в ее основе лежит теория, однако не экспериментальная, а основанная на впечатлениях клинициста. Классический пример – более чем вековая история психоанализа, в течение которой его основные положения не получили должного экспериментального подтверждения. Эдипов комплекс, стадии детского развития, принципы толкования сновидений – все это гипотезы, не выдерживающие экспериментальной проверки.

Самым точным было бы определить ее как науку, в которой теории обосновываются путем эксперимента или иных контролируемых и воспроизводимых эмпирических исследований. Такое определение, однако, было бы слишком длинным, поэтому в дальнейшем будет использован термин *теоретико-экспериментальная психология*.

Мы будем употреблять в качестве синонима и термин *академическая психология*. Хотя, как было показано выше, этот термин не совсем точно обозначает соответствующую реальность, нам представляется важным использовать его, чтобы сохранить единое терминологическое поле с предшествующими работами, где употреблялся именно этот термин. Следует специально оговорить, что при употреблении понятия «академическая психология» в этой статье имеется в виду теоретико-экспериментальная психология, а не те клинически ориентированные отрасли, которые в той или иной форме обосновались в академиях или университетах.

Термин *фундаментальная психология* будет употребляться в другом значении – в качестве противопоставления как практике, так и прикладной науке. Таким образом, фундаментальную психологию мы понимаем как часть теоретико-экспериментальной, или академической (Ушаков, Журавлев, 2011б, 2012а).

Соответственно на другом полюсе дихотомии по отношению к теоретико-экспериментальной психологии находится *психологическая практика*. Когда эта практика отделяется от теоретико-экспериментальных исследований, она уже перестает быть стороной единой психологии и превращается в относительно независимую *практическую психологию*. *Прикладная психология*, исследующая закономерности конкретных практически важных процессов, тем самым занимает промежуточное место между фундаментальной психологией, с одной стороны, и практикой, с другой. При этом прикладная психология, наряду с фундаментальной, входит в сферу теоретико-экспериментальных исследований.

Заметим, что, приводя определения терминов, мы ни в коем случае не утверждаем, что любая теоретико-экспериментальная психология оторвана от психологической практики. Мы утверждаем, что там, где этот разрыв существует, он происходит между теоретико-экспериментальной психологией и практикой, а не в какой-либо другой части науки. Многие психологические теории, построенные в университетах и академиях на основе экспериментов, имеют прикладные и практические аспекты (Ушаков, Журавлев, 2011 г), а многие виды психологической практики основаны на экспериментально обоснованной теории (Ушаков, Журавлев, 2011а). Масштабы этого разрыва и его причины предстоит уточнить.

Пути взаимодействия фундаментальной науки и практики

Теперь следует перейти к анализу механизмов взаимодействия теоретико-эмпирических исследований и практики в различных научных областях. Это взаимодействие происходит между тремя *основными процессами*. Первый состоит в развитии представлений об устройстве мира. Второй – в создании на основании этих представлений объектов и технологий, отвечающих практическим потребностям. Третий процесс – проверка эффективности этих объектов и технологий, дающая обратную связь и материал для дальнейшего совершенствования.

Все три процесса принципиально взаимосвязаны. Любое сконструированное человеком устройство (процесс или технология) основано на том или ином представлении о естественных, природных процессах, из которых инженерное (в широком смысле слова) искусство создает приспособления, отвечающие определенным потребностям. Даже магические практики основываются на тех или иных представлениях о действительности. Однако *эффективность практики*, если понимать под ней предсказуемость, возможность оценки соответствия результата ожиданиям, оказывается наибольшей, если в основу практики положена наука экспериментального типа, в которой модели обосновываются путем сопоставления их предсказаний с результатами специально организованных экспериментальных исследований (*experimentus crucis*).

В то же время эти процессы относительно независимы как исторически, так и в плане функционирования в сложившейся науке. Так, сегодня трудно представить строительство без расчетов, основанных на теории сопротивления материалов. Однако сопромат – изобретение намного более позднее, чем, например, строительство мостов. Древние римляне строили акведуки, конечно, не без теории, но их теории, подобно современным психотерапевтическим концепциям, были сводом правил, образованных опытом строительства и сметливостью строителей. Экспериментальная наука сопромата в самых ранних своих формах возникла, как считается, в трудах Г. Галилея, который в начале XVII в. впервые обосновывал необходимость применения аналитических методов расчета взамен эмпирических правил. Затем уже Р. Гук во второй половине того же века экспериментально установил носящий его имя закон, согласно которому удлинение стержня линейно зависит от приложенной к нему силы. В XVIII в. Д. Бернулли, Л. Эйлер, Ш. Кулон и др. основали теорию расчета стержня на изгиб и кручение, но лишь в XIX в. сопротивление материалов превратилось в экспериментально обоснованную науку, пригодную для проведения инженерных расчетов.

Этот пример весьма показателен. Исторически техника сложилась раньше экспериментальной науки и лишь затем, когда наука в соответствующих областях достигала достаточно высокого уровня развития, подвергалась ее стимулирующему влиянию. Сегодня же мы, находясь на относительно позднем историческом этапе взаимодействия фундаментальной науки и практики, подвергаемся ретроспективной иллюзии, поскольку в логическом смысле фундаментальные исследования предшествуют инженерным изобретениям. В настоящее время действительно многие инженерные области вытекают из достижений фундаментальной науки, как, например, создание ядерного оружия стало возможным только в результате развития физики атомного ядра. Эта логика доминирует и при учебном изложении, в результате чего у современных людей легко создается впечатление, что теоретико-экспериментальная наука всегда предшествует инженерии.

На основании сказанного можно выделить *три основных этапа* на пути исторического движения инженерной практики навстречу теоретико-экспериментальной науке.

На *первом* этапе практика имеет общечеловеческий характер и осуществляется всеми людьми или большинством из них независимо от профессии. Так, строительство жилища на

определенном этапе является всеобщим занятием, и в русских деревнях еще сравнительно недавно каждый взрослый мужчина обязательно имел определенные строительные навыки.

На *втором* этапе появляется профессиональное сообщество, специально обученное технологиям для осуществления соответствующей практики. В случае строительства такое сообщество выделилось весьма давно. В профессиональном сообществе этого этапа передаются технологии, основанные на эмпирически установленных правилах.

Наконец, на *третьем* этапе начинается взаимодействие с развившейся до необходимого уровня теоретико-эмпирической наукой. Например, в строительство внедряются экспериментально подтвержденные модели сопротивления материалов. На этом этапе инженерия становится больше, чем сводом правил, и получает опору в науке и толчок к быстрому совершенствованию.

Представляется, что эта схема, описывающая, например, историческое взаимодействие физики с инженерией, хорошо применима и к взаимодействию теоретико-экспериментальной психологии с практикой. В этом контексте следует задержать внимание на процессах, развивающихся на третьем этапе, включающем, в свою очередь, ряд стадий. Представляется, что те отрасли психологической практики, об оторванности которых от теоретико-эмпирических исследований идет речь, находятся на переходе от второго этапа к третьему. Можно выделить *два типа взаимодействия* теоретико-экспериментальной науки и практики, которые мы в одной из предшествующих публикаций назвали взаимодействиями типа А и типа В (Журавлев, Ушаков, 2011б).

Взаимодействие типа А заключается в том, что модели явлений или процессов, проверенные в экспериментальных ситуациях, используются при проектировании и создании практически важных технологий или технических объектов. При этом экспериментальные ситуации, как правило, мало похожи на ситуации практического внедрения. Бросание камней с Пизанской башни, удар током по лапе павловской собаки или разгон частиц в коллайдере – примеры таких экспериментальных ситуаций, которые, вопреки У. Найссеру, отнюдь не обязаны быть «экологически валидными». Таким образом, при взаимодействии типа А модели естественных явлений, пройдя через процессы инженерного конструирования, приводят к созданию практически полезных устройств и технологий.

Взаимодействие типа В состоит в систематическом сборе и обработке сведений о результатах практического применения устройств или технологий. Эти сведения позволяют оценить эффективность искусственных разработок, однако, как правило, добавляют мало информации о протекании естественных процессов. Если ракета-носитель разваливается, не выведя спутник на орбиту, то под вопрос ставятся не законы Ньютона, а конструкция ракеты или ее отдельных узлов и, возможно, компетентность конструкторов.

Далее мы рассмотрим особенности протекания А- и В-взаимодействия.

А-взаимодействие

Собственно А-взаимодействие выявляет основные возможности теоретико-экспериментальной науки для практики. Наука предоставляет инженерии модели процессов и структур. Инженерия, в свою очередь, отбирает те процессы или структуры, которые по своим результатам или свойствам соответствуют целям, стоящим перед инженерными устройствами, и пытается создать условия, чтобы запустить на практике нужный процесс или сконструировать нужную структуру.

Например, теоретико-экспериментальная наука разрабатывает модель организации атома, из которой следует существование огромных энергий, в нем заключенных. Но создание технологий высвобождения этих энергий вызвало необходимость гигантских проектов, которые включали не только научную, но и собственно инженерную составляющую. Таким

образом, новые представления о мире, создаваемые фундаментальной наукой, часто должны пройти достаточно длительный период в развитии, чтобы оказать существенное влияние на инженерию.

В то же время возможно и существенное развитие конструкций в рамках одних и тех же моделей естественных процессов без получения дополнительной подпитки из теоретико-экспериментальной науки. У инженерии есть свои внутренние возможности развития без поддержки науки. Вспомним, например, такое знаменитое изобретение, как игла Зингера. Какие разработки теоретико-экспериментальной науки легли в его основу? Очевидно, это изобретение было чисто инженерным, без подпитки со стороны научных знаний.

Инженерная конструкция основывается на естественных законах, но не выводится из них, поэтому инженерия – всегда искусство, а также отдельная область, накапливающая конструкции, изобретенные предшественниками.

Теоретико-экспериментальная наука создает поле, внутри которого возможно новое развитие конструкций. Но развитие конструкций внутри поля уже не требует обращения к науке. Наука открывает для техники потенциальные возможности, которые превращаются в реальность только усилиями инженеров. Впервые возможности для инженерии привносятся обыденными знаниями о мире: изобретение колеса не требует специальных научных знаний. Однако затем приход науки создает для инженерии новые горизонты. В то же время открыть горизонт – не значит до него дойти.

Таким образом, не следует считать, что теоретико-экспериментальная наука непрерывно поставляет идеи практике и что практика развивается только в результате поступления идей от науки. А. В. Юревич приводит систему аргументов, обосновывающих, что в естественных науках технологии и экспериментальные исследования развиваются относительно независимо, по своей внутренней логике каждая, а их взаимодействие осуществляется в виде время от времени происходящего вброса разработок из фундаментальной науки в технологию. Он пишет: «Очень поучителен имеющийся опыт анализа взаимодействия фундаментальной науки и разработки прикладных технологий. Так, в начале 1960-х годов под эгидой Консультативного совета по материалам Национальной академии наук США был проведен ряд исследований последних инноваций в области материалов. Эти исследования показали, что во всех рассмотренных случаях инновации не были следствием достижения фундаментальной науки, а непосредственно „вытекали“ из предшествующей технологической деятельности. Аналогичные выводы были сделаны инициаторами исследования 84 технологических инноваций, удостоенных в Великобритании Королевской премии» (Юревич, в печати).

К сходным выводам приводит и анализ научного цитирования: наука цитирует предшествующие публикации ученых, а технология обращается к предшествующей технологии, перекрестных ссылок мало.

Достижения теоретико-экспериментальной науки относительно необратимы – они закреплены в научных текстах, к которым можно обратиться. Даже то, что в свое время не встретило интереса, может со временем быть востребованным, подобно генетическим идеям Г. Менделя. Технологии относительно легко исчезают, так что их восстановление предполагает прохождение пути почти заново.

Таким образом, и после вступления в А-взаимодействие практическая инженерная область продолжает оставаться относительно самостоятельной и независимой от экспериментальной науки дисциплиной со своими возможностями развития внутри установленных закономерностей и своим профессиональным сообществом. Тем не менее А-взаимодействие путем периодического вброса моделей существенно расширяет границы инженерных возможностей, позволяя использовать вновь открытые процессы и структуры для достижения целей инженерных устройств и технологий.

В-взаимодействие

В-взаимодействие развивается из задачи контроля результатов применения разработанных устройств и технологий по мере усложнения этого контроля и возникновения в связи с этим потребности в точных и воспроизводимых методах.

Во многих случаях результат инженерной деятельности очевиден. Образ инженера, стоящего под мостом в момент его испытания, символизирует как несомненность результата инженерной практики (мост выдерживает или разрушается – результат налицо), так и реальную ответственность лица, осуществляющего практическую деятельность. Оценка результата в этом случае не представляет собой научной проблемы ввиду тривиальности.

Однако дело не всегда обстоит столь бесспорно. Например, в области фортификации и взятия крепостей в течение чуть ли не двух столетий доминировали идеи маркиза де Вобана и разработанная им тактика постепенной осады. Однако объективная оценка его практических успехов не так проста: некоторые воздвигнутые им крепости достаточно быстро пали перед неприятелем в период войн Людовика XIV. В итоге возникает вопрос: подтверждает ли практическая деятельность С. Вобана эффективность предложенной им системы?

Для того чтобы в этом случае дать точную оценку, необходимо привлечение изоциренных научных методов. Можно, например, собрать статистику осад крепостей в конце XVII – начале XVIII вв. (которая, кстати, для того бурного времени обещает быть достаточно обширной) с учетом численности войск и артиллерии, руководителей осады и обороны, строителя крепости и т. д. и проанализировать множественную регрессионную модель, где в качестве зависимой переменной выступит продолжительность осады и ее исход. В результате такого анализа можно оценить роль С. Вобана как строителя крепостей и военачальника. Этот анализ был бы подобен тому, что проведен Д. Саймонтоном с целью определения личной роли Наполеона Бонапарта в победах его войск³.

В контексте статьи важно, что в приведенном примере оценка результатов практической деятельности в том случае, когда они не очень очевидны, превращается в научную задачу, для решения которой требуется опора на массивы данных и моделирование с помощью относительно сложных статистических методов. По мере уменьшения очевидности результатов практики проверка результатов преобразуется из доведка инженерии в самостоятельную научную проблему и намечается взаимодействие по типу В между теоретико-экспериментальной наукой и практикой.

Возьмем более современный пример – испытание автомобилей на безопасность по системе EuroNCAP. Задача оценки такого инженерного устройства, как современный автомобиль, с точки зрения безопасности весьма непростая, поскольку возможно множество различных ситуаций дорожно-транспортных происшествий, в которых автомобиль должен обеспечивать безопасность пассажиров, а также пешеходов. Подходы к решению этой проблемы были разработаны в начале 1990-х годов в Европейском комитете экспериментальных транспортных средств (EEVC), что само по себе показывает сложность и «наукоемкость» проблемы оценки инженерных устройств. Однако внедрение этого метода произошло весьма постепенно, начавшись в 1994 г. в Великобритании и в дальнейшем охватив другие страны. При этом шел достаточно острый дискуссионный процесс, в ходе которого ставилась под сомнение состоятельность методики. Так, в феврале 1997 г. автопроизводители жестко раскритиковали методики и оценки EuroNCAP, в частности апеллируя к тому, что требования завышены. К настоящему времени, правда, критиков заметно поубавилось, а казавшиеся когда-то завышенными требования существенно превзойдены.

---

³ Кстати, эта роль оказалась не столь значительной, как это может показаться интуитивно – примерно 9 % общего успеха.

На примере EuroNCAP можно сделать несколько существенных заключений.

Во-первых, потребность в специальных методах испытаний возникает там, где результат сам по себе недостаточно ясен, но ответственность за него высока. Безопасность транспортного средства – сложное понятие, включающее свойства, которые проявляются в разных ситуациях. Многовариантность ситуаций функционирования устройств и технологий – ключевой вопрос, определяющий сложность их оценки.

Во-вторых, необходимым условием оценки является контролируемость и воспроизводимость ситуации тестирования. Каждый желающий по каким-либо причинам проверить результаты испытаний может полностью воспроизвести их и сопоставить результат. Функции разработки конструкции и ее проверки выполняются разными людьми, что увеличивает объективность оценок.

В-третьих, однозначность контроля в ситуации испытания достигается с помощью сложных и детализированных методик. Сложные ситуации оценки требуют участия науки, хотя и в виде ее прикладных областей. Участие науки выражается в создании понятийной системы, установлении совокупности реперных точек для оценки устройства, т. е. перечня ситуаций, поведение в которых рассматривается как критически важное, и разработке методов.

В-четвертых, А-взаимодействие, которое весьма интенсивно в сфере обеспечения безопасности дорожного движения и выражается в разработке материалов кузова, моделей расчета деформации при ударе (на основе все того же сопромата), электронных помощников водителя и во многом другом, оказывается недостаточным для того, чтобы без участия В-взаимодействия заранее оценивать характеристики разрабатываемого продукта. Хотя деформация кузовов автомобилей в случае аварии может быть смоделирована на компьютере, рейтинги пассивной безопасности Euro NCAP присваиваются по результатам краш-тестов.

В-пятых, характерно, что методики контроля очень часто подвергаются критике, причем в основном это происходит со стороны людей и организаций, деятельность которых оценивается (в данном случае – автопроизводителей). При этом критика направляется, как правило, на то, чтобы доказать неправомерность выдвигаемых критериев оценки.

В-шестых, в приведенном примере участие В-взаимодействия в прогрессе инженерных конструкций является косвенным – через организацию обратной связи. В дальнейшем будет рассмотрен вопрос о возможности прямого участия В-взаимодействия в развитии технологий, а именно о создании на его основе новых моделей.

Наиболее яркие образцы В-взаимодействия дает современная медицина, в которой разработка новых лекарств и методов лечения на основании самых современных знаний о работе человеческого организма (А-взаимодействие) не освобождает от необходимости проведения тщательных клинических испытаний (В-взаимодействие).

В медицине на основе моделей биологических процессов, происходящих в человеческом организме, гораздо сложнее предсказать эффективность лекарств, чем в инженерии на основе проекта устройства предсказать его работу. В организме существует множество взаимосвязанных процессов, трудно поддающихся учету на современном этапе развития науки. Создав модель процесса и применив эту модель при лечении некоторого заболевания (А-взаимодействие), медикам трудно а priori исключить возможность того, что какие-либо компоненты этого процесса окажутся включенными в другой процесс, вызвав нежелательные последствия или, наоборот, устранив необходимые условия нормального функционирования. Тогда в связи с необходимостью отследить, в какой степени модель соответствует реально разворачивающимся при лечении процессам, на помощь приходит В-взаимодействие.

Представим, что мы установили, что некий нежелательный процесс А в организме человека (например, повышение артериального давления) происходит вследствие процесса В, запускаемого агентом С. Тогда можно представить, что методом избавления от процесса А может быть введение агента Д, способного подавлять действие агента С. Это общее рассужде-

ние может действительно привести к разработке эффективного метода лечения, однако возможны побочные результаты такого лечения, например, если агент С оказывает не только негативное, но и весьма полезное для организма действие в отношении процесса Е.

Классический случай – лекарство, разработанное для терапии аритмии, флекаинид. Лекарство было создано на основании научных знаний о процессах, лежащих в основе сердечного ритма. Испытания подтвердили, что флекаинид действительно эффективно устраняет желудочковые аритмии. В этом плане научная модель, примененная для создания медицинской технологии (А-взаимодействие), сработала.

Однако испытания показали и другое: продолжительность жизни пациентов в результате применения этого препарата достоверно понижается. Это означает, что лекарство, приводя, как это и было предсказано моделью, к оптимизации процессов, связанных с сердечным ритмом, в то же время оказалось включенным в другие, заранее не предсказанные и при этом опасные для жизни пациента процессы.

Случай с флекаинидом показателен еще и тем, что положительный эффект препарата может быть зафиксирован быстро, в то время как более сильные отрицательные последствия выявляются отсроченно. Это означает, что создание методов проверки – сложная задача, требующая учета многих факторов, в данном случае – отсроченности ряда эффектов.

Можно, следовательно, выявить два свойства, которые определяют значимость В-взаимодействия для соответствующей области науки и практики. Первое заключается в том, насколько эффект практического воздействия или устройства многомерен, реально наблюдаем и велик.

Второе свойство – моделируемость реальных процессов в теории. В сфере техники поведение устройств обычно достаточно хорошо моделируется и, как следствие, может быть предсказано. В этом случае на основании теории удастся создавать устройства, поведение которых прогнозируется заранее с высокой степенью точности и наиболее значимым оказывается взаимодействие типа А. Однако чем сложнее объект, тем менее он поддается теоретическому моделированию, тем менее точным получается прогноз относительно поведения создаваемого объекта и тем важнее для практика оказываются данные типа В-взаимодействие.

Моделируемость понижается вследствие наличия в объекте многочисленных взаимосвязанных процессов, учет которых затруднителен, подобно тому как это происходит в медицине. При этом иногда разработанные на основе хороших моделей средства оказываются неэффективными. Любопытно, что в некоторых случаях, напротив, практически эффективными могут оказаться технологии, которые основаны на не очень оправданных в экспериментальной науке теориях. Хотя для современной биологии принципы «подобное лечить подобным» или высокого разведения С. Ганемана выглядят по меньшей мере спорными, вполне современные мета-аналитические исследования показывают, что предложенная гомеопатами эхинацея, лежащая в основе, например, такого препарата, как иммунал, является одним из немногих эффективных средств профилактики и лечения острых респираторных заболеваний.

Вообще, как пишет известный врач, «логичные методы лечения часто оказываются неэффективными или даже опасными для больных» (Царенко, 2004). Фактически это означает, что логический вывод методов лечения из наших представлений об устройстве человеческого организма (данных типа А) может быть неэффективным и даже опасным. Необходимо дополнить его статистически выверенными данными о результатах лечения (данными типа В). Устройство организма столь сложно, что при частичном знании оказывается непроницаемым для самого логически мыслящего ума.

Таким образом, мы видим различия в соотношении между теорией и практикой для областей с различной сложностью объекта. В областях с относительно простым и хорошо моделируемым объектом данные типа А являются основными и позволяют создавать хорошо предсказуемые устройства и технологии, хотя и в этом случае данные типа В оказываются полезным

дополнением. По мере усложнения объекта все большую роль приобретают данные типа В, которые позволяют путем обратной связи в некоторой степени компенсировать расхождение теоретической модели и реальности. Использование данных типа А является по определению более экономным и заслуживает предпочтения при наличии возможности, поскольку эти данные относятся к более общему случаю, на основании которого в качестве частных случаев может быть разработано много устройств и технологий. В то же время возможность подобного использования ограничена сложностью и моделируемостью объекта.

Специфика психологии

Из сказанного ясно, что расхождение теоретико-экспериментальной и практической психологии – не столь уж аномальное явление в сфере науки. Те отрасли психологии, которые, подобно психотерапии, производят технологии, не могут не быть в определенной степени обособлены от отраслей, занимающихся теоретико-экспериментальными исследованиями. Если же это обособление почти полное, то это означает, что развитие психологической практики не перешло от обозначенного выше второго этапа к третьему.

Вместе с тем есть и некоторые особенности, вызывающие удивление. Так, трудно найти аналог в других областях таким феноменам, как психоанализ, который из практики, минуя экспериментальную проверку, превратился в концепцию о человеческой природе. Другими словами, теория, выросшая из практики и направляющая ее при том, что экспериментальная проверка приводит к отрицательным результатам, представляет собой достаточно странное явление в науке.

Теперь следует обсудить причины особенностей психологической науки в плане взаимодействия теоретико-экспериментальных исследований и практики. Выкристаллизовываются *два основных подхода* (Журавлев, Ушаков, 2011а). Согласно *первому* из них, дело заключается в особенностях знания, получаемого сегодня экспериментальной психологией. Это знание пока не является настолько развитым, чтобы обеспечить надежную базу для многообразных видов растущей психологической практики. В этой логике дальнейшее развитие основанной на эксперименте эмпирической науки приведет к оптимизации ее отношений с практикой.

Согласно *второму* объяснению, сам тип построения фундаментальной психологии, ее следование естественно-научным образцам лежат в основе ее отрыва от практики (Ломов, 1984). Практика в рамках такого взгляда нуждается в фундаментальной науке, по-новому ориентированной, которая уже не будет целиком полагаться на могущество эксперимента, а отдаст дань более гуманитарно направленным вариантам знания.

Ниже будут проанализированы оба подхода.

Теория типов знания Я. А. Пономарева и проблема соотношения теории и практики

Основы первого подхода заложены в методологии, разработанной выдающимся отечественным психологом Я. А. Пономаревым. По мнению Пономарева, можно выделить *три типа научного знания* – созерцательно-объяснительный, эмпирический и действенно-преобразующий. В контексте данной статьи основной интерес представляют два последних, поскольку именно они характеризуют экспериментальную науку, в то время как первый относится к науке доэкспериментальной.

При *эмпирическом* типе знания не учитываются внутрисубъектные преобразования (они остаются в «черном ящике»), отражаются эмпирические закономерности (Пономарев, 1980, с. 200). Иными словами, при том многообразии проявлений, которыми характеризуется поведе-

ние человека, для объяснения любого феномена, полученного в эмпирическом исследовании, применяется модель, имеющая *локальный* характер. Для объяснения феноменов, полученных в других экспериментах, требуется другая модель и т. д. Таким образом, образуется *эмпирическая многоаспектность* – множество локальных моделей, не связанных между собой и предназначенных для объяснения отдельных закономерностей, добытых в экспериментах и иных эмпирических исследованиях.

Сегодня известно много локальных механизмов, стоящих за работой психики человека. Мы знаем о механизмах цветовосприятия и о воронке внимания, о когнитивном диссонансе, социальной категоризации и сдвиге риска, а также о многом другом. Проблема в том, что пока мы не пришли к видению целого, которое объединило бы эти наши локальные достижения в единое целое.

Синтез, или интеграция, локальных моделей представляет задачу *действенно-преобразующего знания*, которое должно упорядочить локальные модели на основе «объективных критериев», в качестве которых, по Пономареву, выступают «структурные уровни организации явлений – трансформированные этапы... развития» (Пономарев, 1980, с. 42).

Выделение знаний как типов достаточно условно, Пономарев рассматривает их как полюса, к которым тяготеют научные концепции и исследования: «Ни один из перечисленных типов не существует реально в чистом виде, но каждый из них сравнительно легко выделяется путем идеализации» (Пономарев, 1980, с. 200).

Фактически можно представить соотношение эмпирического и действенно-преобразующего знания как континуум, на котором объяснительные модели расположены в последовательности от наиболее локальных к все более и более синтетичным.

Принципом, отличающим действенно-преобразующее знание от эмпирического, является «раскрытие глобального черного ящика». Знание эмпирического типа описывает «черный ящик» извне, а если раскрывает, то делает это только применительно к локальному «черному ящику», к механизму отдельной изолированной функции.

В свете схемы, предложенной Пономаревым, различные сферы практики можно разделить в зависимости от их *локальности* или *глобальности* в плане вовлечения целостной личности. Локальные практические задачи касаются регуляции выполнения человеком отдельных действий (Ломов, 2006) и могут быть успешно решены путем применения локальных моделей, которыми современная психология располагает в достаточной степени. Такие задачи могут быть весьма значимыми социально, и в этой сфере фундаментальная экспериментально ориентированная наука оказывается надежной базой для решения практических задач (Проблемы фундаментальной и прикладной..., 2008; Проблемы экономической психологии..., 2004, 2005; Психологическое воздействие..., 2012, 2014; Психология нравственности..., 2010; Психология человека..., 2014). Примером может служить инженерная психология. Модели переработки информации, которыми располагает психология, оказываются вполне достаточными для того, чтобы помочь в оптимизации.

Другое дело – практические задачи, связанные с вовлечением целостной личности, как это происходит, например, в сфере психотерапии. Глобальные модели в этой сфере оказываются недостаточно фундированными экспериментом, в результате чего классическая схема «теория – эксперимент – практика» нарушается.

Тем не менее и в этой ситуации экспериментально-психологические модели не остаются полностью бесполезными. Локальные модели могут сослужить важную службу и при решении проблем, вовлекающих целостную личность, описывая отдельные стороны явления и предлагая методы адекватного воздействия на них.

Ниже будут рассмотрены несколько способов, которыми *локальные модели* могут быть использованы на практике. Локальные модели могут быть поделены на несколько типов, из которых выделим два. Во-первых, это локальные *модели механизмов*. В этих моделях проис-

ходит «раскрытие черного ящика», но только в части локального механизма, который является лишь частью того механизма, что стоит за явлением. Во-вторых, *модели условий протекания процессов*. Здесь «черный ящик» не раскрывается, но эмпирически выявляются условия, в которых изучаемый глобальный процесс протекает тем или иным образом.

Из общих соображений может показаться, что модели механизмов «мощнее» моделей условий, поскольку дают возможность предсказывать поведение системы во всем спектре ситуаций. Однако проблема локальных моделей механизмов связана с относительностью разделения человеческой психики на модули. Например, можно создать модель решения человеком силлогизмов, которая, конечно же, не опишет, почему человек пришел на эксперимент, как он отнесся к экспериментатору и обстановке экспериментальной комнаты, о чем и о ком вспоминал в паузах и куда пошел после эксперимента. Однако ввиду того, что человеческая психика не состоит из модулей, то, что описывается как локальный механизм, есть в действительности компонент работы более общего механизма. При изменении контекста феномены, которыми обосновывалось существование механизма, как бы «растворяются в воздухе».

Здесь становится очевидна дополнительная причина сложностей в психологии по сравнению, например, с медициной. Человеческая психика, как и организм, – система с чрезвычайно сложными взаимосвязями. Поэтому, как и в медицине, весьма сложно оценить все возможные побочные эффекты. Логично, следовательно, что, как и в медицине, в психологической практике А-взаимодействие, опирающееся на модели такого типа, должно быть дополнено В-взаимодействием.

Вместе с тем в психологии есть свои дополнительные трудности. В медицине более четко выделяются локальные процессы, пусть и находящиеся в тесной взаимосвязи. В организме «части» системы пусть не обособлены, но отличимы друг от друга. В человеческой психике части выделить еще никому не удалось. Очевидна относительность разделения на когниции, эмоции и волю, как и на восприятие, память, представление, мышление и т. д.

В этом плане создание локальных моделей механизмов – логичный путь к тому, чтобы постепенно решать большую проблему, но при этом фактически каждая модель относится не к обособленной реальности, а к «функциональному органу», формируемому для решения определенной задачи и тем самым зависимому от структуры целого, подобрать к которой пока не удается.

Тем не менее знания локальных механизмов могут быть весьма полезны практике. Они не обеспечивают целостного алгоритма действий, не могут обеспечить предсказания результата, зато служат весьма эффективным дополнительным инструментом в руках профессионала.

Психологический конструктивизм как альтернатива в решении проблемы

Альтернативный подход в весьма последовательной и развернутой форме проводится известным философом, культурологом и методологом В. М. Розиным, который подвергает сомнению возможность существования психологии как естественной науки, опирающейся на закон: «Как можно говорить о психологических законах, если психологические явления изменчивы, а границы психологических законов при подведении под эти законы разных случаев постоянно сужаются?» (Розин, 2010, с. 93). Психологические явления зависят от времени и культуры, поэтому с помощью законов или моделей мы можем описывать только тот или иной тип психики человека, сложившийся в определенных культурных и иных условиях. Универсализировать закономерности нельзя, поскольку у людей, сформированных иным образом, эти закономерности перестают действовать. Психология не есть знание о человеке как таковом, она не конструирует универсальных методов воздействия. «Психолог выступает не от лица всеобщего абсолютного субъекта познания или практического действия, а *от себя лично* и того

частного сообщества, той частной практики, в которые он входит, представления которых разделяет» (Розин, 2010, с. 100–101).

В реальной психологии, по мнению Розина, работают не столько законы или модели объектов, сколько схемы: «Модели дают возможность *рассчитывать, прогнозировать и управлять*, а схемы – только *понимать феномены и организовать с ними деятельность*. Построения психологов – это главным образом схемы, позволяющие, с одной стороны, задать феномен (идеальный объект) и разворачивать его изучение, а с другой стороны, действовать практически» (Розин, 2010, с. 93).

При этом психология – не только знание о человеке, но его проект (замышление, по выражению автора), а также символические описания, которые не только характеризуют человека, но и вовлекают его в определенного рода существование. Поэтому в уходе от естественно-научных образцов не слабость психологии, а сила: «Психологическую концепцию следует рассматривать как систему метафор, образов, которая позволяет импровизировать на тему человеческой жизни» (Розин, Розин, 1993, с. 25).

С этой позиции психика человека – результат построения, в некоторой степени подобно другим артефактам – зданиям, произведениям искусства, машинам и т. д. Человек может быть построен тем или иным образом, а главным архитектором строительства выступает *культура*. Психологическая наука как часть культуры получает немаловажное место на этой «стройке».

Если этот подход справедлив, то вывести закономерности мы можем только для определенного типа «человеческих построек». Психологические техники должны конструироваться на основании понимания того, что они могут влиять на сам тип «постройки». В этом случае психологическая практика представляет собой искусство, поскольку основывается не на законах, а на схемах, включающих психотехническое действие. Практика уже более не выглядит полигоном для проверки теоретических идей, она оказывается реальностью, которая в определенной степени влияет на создание того объекта, который в дальнейшем описывается психологической теорией.

Следует отметить, что Розин также обращает внимание на проблему локальных и глобальных моделей, которая была затронута выше: «В эпистемологическом отношении психолог установлен на оперативность⁴ и модельность знания, поэтому он создает только *частичные представления* о психике. Сложные же, гетерогенные представления, развертываемые в некоторых психологических концепциях личности, не позволяют строить оперативные модели. Но частичность психологических представлений и схем как естественная плата за научность предполагает удержание целостности и жизни, на что в свое время указывал В. Дильтей, а позднее М. Бахтин и С. Аверинцев» (Розин, 2010, с. 101).

Подход Розина ясен, последователен и поднимает весьма серьезные вопросы. Очевидно, что в какой-то мере каждый человек – конструкция. Принципиальный вопрос заключается в том, чтобы эту меру оценить. Любая конструкция базируется на естественных закономерностях. Например, конструируя здание, архитектор не в силах отменить законы физики. Подобно этому, культура может конструировать человека в пределах, отведенных для этого законами природы. Насколько широки эти пределы? Представляется, что фундаментальная психология ищет ответ на вопрос о наиболее *общих закономерностях*, внутри которых поведение отдельных лиц или групп выступает *частным случаем* при тех или иных значениях параметров. Этим, по-видимому, принципиальное противопоставление снимается. Однако оно остается на конкретном уровне. При анализе каждой конкретной закономерности можно задаться вопросом, является ли она универсальной или же культурно обусловленной. Здесь можно говорить о том, насколько сегодня тот или иной аспект описан реальной наукой.

---

⁴ По-видимому, автор имеет в виду операционализируемость моделей, возможность установить их соответствие эмпирически фиксируемым параметрам.

Современная психология достаточно плодотворно исследует закономерности поведения в естественно-научном ключе. В то же время получен ряд локальных результатов, показывающих некоторую зависимость когнитивных процессов от языка в духе гипотезы лингвистической относительности. Для экспериментальной психологии в контексте идей психологического конструктивизма важно задаться вопросом, насколько описанные ею закономерности являются зависимыми от культурно-исторической конституции человека. Например, является ли тот же когнитивный диссонанс «естественным» свойством человека или культурно сформированным феноменом. Пока на вопросы такого рода нет окончательного ответа. Можно, однако, констатировать, что экспериментальная психология движется в сторону изучения такого рода вопросов. В том числе происходит и развитие статистических техник, которые позволяют устанавливать закономерности, свойственные лишь под-выборкам общей выборки испытуемых. Это означает возможность фиксации локальных (т. е. проявляющихся внутри определенным образом культурно организованных типов протекания психических процессов) закономерностей, на чем настаивает психологический конструктивизм.

В контексте данной статьи, однако, важен другой вопрос: насколько указанная дихотомия может рассматриваться в качестве реального источника расхождения между ориентированной на эксперимент фундаментальной психологической наукой естественного типа и психологической, точнее – психотерапевтической практикой? С позиции психологического конструктивизма можно высказать предположение, что концепции, выдвигаемые в рамках психотерапевтического направления, не являются научными теориями в собственном смысле слова, а схемами, используемыми для навязывания клиентам определенной организации психических процессов, порой граничащей с патологией: «... Многие представители психологического цеха склонны к манипуляциям в отношении человека или к стремлению культивировать болезнь. В этом смысле весь психоанализ может быть рассмотрен в этом ключе как культивирование патологических наклонностей. Когда З. Фрейд настаивает на мифе Эдипа, превращая его в фундаментальный закон психического развития человека, разве он не культивирует психическую патологию?» (Розин, 2010, с. 96).

Реальная проблема нестыковок между психотерапевтической практикой и фундаментальной наукой состоит в том, что средствами эксперимента не удается смоделировать соответствующую реальность. С позиции психологического конструктивизма следовало бы ожидать другого: для людей, организованных в соответствии с разными схемами – разного протекания психических процессов.

До возможностей, когда такое положение дел могло бы выясниться, современная экспериментальная психология еще просто не дошла. Следовательно, необходима большая работа в парадигме естественно-научного подхода, после которой имеет смысл ставить вопрос о пределах, после которых эта парадигма может стать неадекватной (Журавлев, Ушаков, 2012а).

Можно констатировать, что психологический конструктивизм выдвигает серьезные вопросы, однако этот подход не является столь противоречащим современной экспериментальной науке, как это может показаться на первый взгляд. Экспериментальная наука вполне способна ассимилировать ряд принципов психологического конструктивизма. Необходимо лишь определить границы применимости этих принципов и констатировать, что в ряде случаев экспериментальные методы еще не позволяют достигать тех пределов, после которых оценки конструктивизма могут принести серьезную пользу.

А-взаимодействие в психологии

Необходимо учесть, что, как уже отмечалось выше, различные разделы психологии нельзя оценивать одним способом. Часто при обсуждении подобной проблематики под психологической практикой подразумевают именно психотерапию, что приводит к явному пере-

косу общей картины. Психотерапия является весьма специфической отраслью, где разрыв между лабораторной экспериментатикой и техниками практиков особенно велик. Для получения сбалансированного видения проблемы необходимо учесть и практику в таких областях, как, например, инженерная психология, в которой большое место занимают проверенные в экспериментах информационные модели.

Однако и в психотерапии А-взаимодействие тоже присутствует. Воспользуемся для примера материалами, связанными с воздействием экстремального (травматического) стресса. Катастрофы, насилие, боевые действия, стихийные бедствия и т. п. встречаются в повседневной жизни людей все чаще и, соответственно, в современном обществе пропорционально возрастает количество тех, кто в результате такого воздействия страдает особой формой психопатологии – *посттравматическим стрессовым расстройством* (ПТСР). Таких людей среди переживших травматический психологический стресс может оказаться от 15 до 70 %, что в основном зависит от тяжести переживаемого события и от сочетания психической травмы с нарушениями физической целостности человеческого организма, т. е. физическими травмами. Таким образом, практическая значимость работ в области ПТСР очевидна.

Выше при обсуждении подхода, предложенного Пономаревым, речь шла о локальных моделях двух типов, которые могут внедряться в психологическую практику: локальные модели механизмов и модели условий протекания процесса. Вначале рассмотрим модели условий протекания процесса.

В лаборатории ИП РАН под руководством Н. В. Тарабриной были выявлены различные факторы, влияющие на глубину посттравматического стресса и возможности его преодоления у разных категорий людей (Падун, Тарабрина, 2004). В этой работе производился анализ внешних и внутренних условий, способствующих и препятствующих развитию посттравматического стрессового расстройства. Фактически в таких исследованиях *практическая полезность* достигается за счет анализа *условий* (включая как внешнюю среду, так и индивидуальные свойства человека), в которых происходят сложнейшие и не поддающиеся пока полному анализу посттравматические процессы.

Могут ли эти исследования быть использованы для построения новых психотерапевтических техник? Выше говорилось о том, что в рамках А-взаимодействия теоретико-экспериментальная наука поставляет практике лишь модели. Построение технологии – отдельная задача, которая может основываться на экспериментально выработанной модели, но не выводиться из нее непосредственно. В данном случае к тому же речь идет лишь о локальных моделях, которые не раскрывают «черный ящик» стрессового расстройства, а описывают условия, в которых он демонстрирует разные реакции. Однако эти исследования, безусловно, могут выступить подспорьем в практической деятельности психолога. Они показывают факторы, воздействие на которые позволяет снижать риск развития посттравматического стрессового расстройства. Модели условий протекания процесса, следовательно, могут быть использованы как вспомогательные средства, которые оказывают существенную помощь квалифицированному специалисту в процессе индивидуального консультирования.

Чрезвычайно важно то, что модели условий могут быть практически применены далеко за пределами индивидуального консультирования, например, для целей оценки в масштабах общества возможных психологических последствий тех или иных экстремальных ситуаций (Проблемы психологической безопасности..., 2012; Психологические исследования проблем..., 2013; Психологические проблемы современного..., 2012; Психология адаптации..., 2007; Стресс, выгорание, совладание..., 2011). Выше речь уже шла о том, что задача помощи населению в масштабах крупных государственных служб стоит шире одной лишь проблемы консультирования (Психологические проблемы семьи и личности..., 2012). Гораздо лучше провести профилактику, чем впоследствии лечить расстройство. Для работающего в одиночку или в небольшом коллективе психотерапевта такое положение бессмысленно, поскольку его

осуществление явно выходит за пределы возможностей. Однако в качестве государственного подхода оно реалистично и представляется оптимальным. Для целей же профилактики модели условий являются чрезвычайно ценными и позволяют наметить эффективные пути А-взаимодействия.

Таким образом, теоретико-экспериментальная наука постепенно нащупывает подходы к анализу различных трудных жизненных ситуаций, попадание в которые и приводит людей в кабинеты психологов, социальных работников, психотерапевтов и т. п. Изучение факторов, которые в таких ситуациях обуславливают характер переживаний, а главное – влияют на решение и успешность выхода из них, оказывает неоценимую услугу самой практике психологического воздействия.

Перейдем теперь к локальным *моделям механизмов*. Рассмотрим диатез-стресс модель депрессии А. Бека, которая, оставаясь локальной, является по сути моделью механизма. В ней описан механизм возникновения депрессии в результате взаимодействия внешних и внутренних факторов. Модель Бека заслуживает особого внимания в рассматриваемом контексте. Она легла в основу когнитивной психотерапии, которая на сегодня является наиболее завязанной на экспериментально обоснованную теорию (Clark, Beck, 2010).

Первые работы Бека в 1950–1960-х годах были связаны с попыткой экспериментальной проверки психоаналитических представлений о депрессии. Эти работы дали отрицательный результат: экспериментальные гипотезы, сформулированные на основе психоаналитических воззрений, не подтвердились. Такой результат с позиции сегодняшнего дня не удивителен; теория психоанализа сформировалась на основе клинического опыта, вне экспериментального контекста, и попытки ее проверки методом контролируемого исследования привели к неудачам. Кстати, Американский психоаналитический институт не принял Бека в свои ряды на том основании, что «само его желание проводить исследования указывает на то, что он не прошел правильный психоанализ» (Aaron T. Beck, электронный ресурс).

Основой для разработки собственной модели стали все же клинические наблюдения Бека, который заметил, что пациенты с депрессией склонны к спонтанно появляющимся сериям негативных мыслей о себе, окружающем мире и будущем. Он назвал этот феномен «автоматическим мышлением» и интерпретировал его в терминах, заимствованных из такой отрасли экспериментальной психологии, как когнитивная психология. На этой основе он разработал свой метод терапии, который предполагает выявление и оценку негативных мыслей. Более того, Бек стал активно проводить исследования, разработав для этого несколько психометрически выверенных опросников депрессии и тревоги – Тест депрессии, Шкалу безнадежности, Шкалу суицидальных мыслей, Тест тревожности, а также детско-подростковый опросник.

Теория Бека представляет собой по существу модель локального механизма, которая, с одной стороны, служит базой для психотерапевтической технологии, а с другой, опирается на экспериментальные данные и, что очень важно, сформулирована на языке, используемом в экспериментальной психологии.

Таким образом, можно констатировать, что в психотерапии сегодня реальной среди прочих является и схема А-взаимодействия, основанная на использовании локальных моделей механизмов. Эффективность ее результатов документирована соответствующими исследованиями и признана Американской психологической ассоциацией и другими авторитетными организациями.

В-взаимодействие

Если примеры А-взаимодействия легко найти в каждой серьезной психологической книге, то с В-взаимодействием дело обстоит гораздо сложнее. Это обстоятельство неслучайно,

поскольку в нашей стране исследование процесса психотерапии и ее результата развито весьма слабо. В то же время на Западе В-взаимодействие фундаментальной науки с психотерапией имеет долгую и драматичную историю.

Особенность психологической практики заключается в том, что не всегда удается объективно оценить ее результат, который субъективен в том смысле, что связан с изменением состояния субъекта. Кроме того, вокруг оценки результатов психологического воздействия существует много заинтересованных лиц. В первую очередь, заинтересованным выступает сам специалист-практик, профессиональная репутация которого находится в прямой зависимости от оценки результата его воздействия со всеми вытекающими последствиями. В результате для осуществления систематической оценки практического воздействия в психологии надо применять большие усилия, и при наличии групп людей, не заинтересованных в ее осуществлении, возникает естественный соблазн отказаться от столь трудного занятия.

В конце 1940–начале 1950-х годов Г. Айзенк в пылу борьбы с психоанализом и ниспровержения З. Фрейда в ряде статей утверждал, что психотерапия совершенно неэффективна (Eysenck, 1949, 1950). Наиболее аргументированно эта позиция была изложена в статье 1952 г., где суммированы литературные данные по 19 исследованиям, включающим порядка 700 кейсов. Г. Айзенк следующим образом подводит итоги анализа таблиц с цифрами, полученными в этих исследованиях: «Пациенты, которых лечили с помощью психоанализа, продемонстрировали улучшение в 44 % случаев; пациенты, которых лечили эклектическим методом, продемонстрировали улучшение в 64 % случаев; пациенты, которые только имели повседневный уход или лечились врачами-терапевтами, продемонстрировали улучшение в 72 % случаев. Таким образом, создается впечатление обратной зависимости между выздоровлением и психотерапией: чем больше психотерапии, тем меньше процент выздоровления»⁵ (Eysenck, 1952, p. 322).

И далее: «Не получено доказательств, что психотерапия, фрейдистская или какая-либо другая, облегчает выздоровление невротичного пациента. Данные показывают, что примерно две трети невротиков выздорoveют или существенно улучшат свое состояние в течение примерно двух лет с момента начала их болезни, получают они психотерапевтическую помощь или нет. Эти цифры оказываются удивительно постоянными от одного исследования к другому, независимо от типа пациентов, применяемых критериев выздоровления или используемого метода терапии. Для невротика эти данные оптимистичны, но они вряд ли могут быть названы подтверждающими утверждения психотерапевтов» (Eysenck, 1952, p. 323).

На убедительный ответ Г. Айзенку понадобились четверть века и продвижение в двух направлениях. С одной стороны, в течение этого времени были проведены несколько сот исследований процесса психотерапии, которые, однако, давали различные результаты: где-то ее благотворный эффект подтверждался, где-то нет. С другой стороны, для разрешения противоречий в результатах отдельных исследований был разработан новый статистический метод, нашедший впоследствии широкое применение как в психологии, так и за ее пределами – *мета-анализ*. Мета-анализ позволяет комбинировать результаты многих исследований, получая общую оценку размера эффектов не путем простого усреднения, как это делал Г. Айзенк, а более сложным и математически обоснованным способом, учитывая объем выборки и надежность исследования, фиксированные и случайные эффекты, публикационный сдвиг, промежуточные переменные и т. д. В 1977 г. М. Смит и Дж. Гласс опубликовали результаты мета-анализа 375 исследований, в котором была обоснована эффективность психотерапии (Smith, Glass, 1977). Примечательно, что сам Г. Айзенк не принял результатов этого исследования, назвав мета-анализ «упражнением в мега-глупости». В этом случае, к сожалению, один из наиболее известных психологов XX в. выступил противником нового метода, который впослед-

---

⁵ Здесь и далее перевод наш. – А. Ж., Д. У.

ствии бурно развивался и сегодня широко используется в психологии и за ее пределами, например, в медицине.

Из этих давно отшумевших на Западе (в нашей стране психоанализ в то время был не в чести) дебатов можно сделать ряд выводов.

Во-первых, по большому счету исследования психотерапевтического процесса ставили в то время на кон саму судьбу психотерапии. Если бы тогда оказалось, что Г. Айзенк прав, то вряд ли сегодня в университетах сохранились кафедры психотерапии, а психотерапевтическая практика, если бы и продолжила существование, то в относительно свернутом виде. Для современного исследователя дебаты тех времен – часть «памяти культуры», однако, оценивая взаимодействие теоретико-эмпирической науки и психологической практики, важно осознавать, что, не будь в середине XX в. эффективность психотерапии обоснована методом контролируемого и проверяемого научного исследования, то вряд ли в настоящее время она была бы много уважаемее астрологии, к исследованию которой, кстати, Г. Айзенк тоже приложил свои усилия.

Во-вторых, эффект психотерапии в сравнении со спонтанно протекающими процессами выздоровления не настолько велик, чтобы его можно было бесспорно констатировать при помощи простейших средств. Даже достаточно солидная база, собранная Г. Айзенком к 1952 г. в сочетании с примененным им простым, но внешне логичным методом анализа данных оказались недостаточными.

В-третьих, из недостаточности элементарных средств следует необходимость разработки и применения более продвинутых методов как в области обработки данных (например, мета-анализ), так и планирования исследования (например, двойной слепой рандомизированный метод).

В-четвертых, научное сообщество должно изъявлять готовность принимать результаты, полученные контролируемыми и воспроизводимыми методами, даже если их результаты противоречат мнению заметной части представителей этого сообщества. Именно на этом пути, а не в огульном отрицании лежит возможность дальнейшего прогресса, в котором в конечном счете заинтересованы все стороны.

С тех пор исследования психотерапевтического процесса стали направляться на более тонкие вопросы. Прежде всего выявлены и продолжают выявляться предметы и методы терапии, которые оказываются эффективными, и те, которые оказываются неэффективными. В целом результат, зафиксированный М. Смит и Дж. Глассом, повторяется: терапия приводит к улучшению состояния пациента по сравнению с плацебо и тем более нахождением на листе ожидания. Это, однако, происходит не во всех случаях, некоторые принятые виды терапии не показывают эффективности в сравнении с контролем в отношении ряда расстройств. Так, например, выявлено, что и групповая, и индивидуальная когнитивная терапия неэффективна для лечения стресса, связанного с трудовой деятельностью (de Vente et al., 2008).

Далее можно сравнить между собой разные типы терапии в плане их эффективности в применении к одному и тому же типу расстройства. Это сравнение отнюдь не всегда подтверждает принимаемый порой в литературе за данность так называемый *парадокс эквивалентности*, состоящий в том, что эффективность всех видов психотерапии примерно одинакова (Калмыкова, Кэхеле, 2000; Хайгл-Эверс и др., 2001). Например, мета-анализ на основе 12 рандомизированных контролируемых испытаний с 754 пациентами показал большую эффективность ($d=0,54$) терапии алкоголизма в паре с супругом в сравнении с индивидуальной терапией (Powers et al., 2008). Другой мета-анализ показал, что в отношении панического расстройства когнитивно-бихевиоральная терапия работает эффективнее тренинга релаксации (Martin et al., 2000).

Нередко, впрочем, разные виды терапии оказываются равно эффективными. Например, для обсессивно-компульсивного расстройства одинаково эффективными оказываются контролируемая терапевтом и контролируемая пациентом экспозиция (Oppen et al., 2010).

Другие исследования сравнивают различные организационные формы терапии, такие как амбулаторный, дневной и полный стационары (Bartak et al., 2010; Bartak et al., 2011).

Есть исследования, сравнивающие эффективность психотерапии и медикаментозной терапии. В некоторых случаях психотерапия на фоне медикаментозной терапии выглядит весьма неплохо, в других случаях – проигрывает, как, например, в случае старческих тревожных расстройств (Schuurmans et al., 2009).

Эффективность психотерапии зависит далеко не только от метода, и это обстоятельство также нашло отражение в психотерапевтических исследованиях. Важную роль играют особенности пациента. Пример исследования этого обстоятельства: показано, что бихевиоральный тренинг родителей при терапии гиперактивности и дефицита внимания у детей эффективнее при наличии у матери определенных черт, а именно – высокой самооэффективности (Hoofdakker et al., 2009).

Примеры такого рода исследований легко дополнить.

Важную роль в успехе психотерапии играют личность психотерапевта и установившийся между психотерапевтом и клиентом психотерапевтический альянс. Дж. Норкросс приводит итоговые данные, обобщающие влияние различных факторов на успех психотерапии (Norcross J., электронный ресурс). Психотерапевтический метод (8 % объясненной дисперсии) оказался лишь чуть более важным фактором, чем индивидуальность психотерапевта (7 %), и менее важным, чем сложившиеся терапевтические отношения (10 %) и вклад пациента (25 %). Еще 5 % приходится на взаимодействие перечисленных факторов. Хотя необъясненная дисперсия составляет по этой оценке 45 %, все же можно констатировать, что в сфере психотерапевтических исследований проделана огромная работа, уже к настоящему моменту пролившая свет на ряд важных вопросов.

Можно констатировать, что В-данные в сфере психотерапии на сегодняшний день добываются в большем объеме, чем релевантные А-данные. Вместе с тем В-данные играют специфическую роль в прогрессе научного знания и практических технологий. Эти данные не столько эвристичны, сколько служат оценке и контролю того, что разработано практиками на основе их интуиции и озарений. Хотя функции объективной оценки и контроля чрезвычайно важны для здорового развития любой научной теории и практики, они не всегда вызывают добжелательное отношение у многих представителей профессионального сообщества.

Существует ограничение и на тип научного знания, к которому приводит опора на В-данные. Исследования процесса психотерапии обнаруживают факторы, которые влияют на протекание этого процесса, но не на его механизмы. В то же время несомненно, что эти исследования расширяют совокупность объективных методов, находящихся в распоряжении психологической науки.

Есть ли перспективы у исследований процесса психотерапии в плане производства нового знания? В этой связи примечателен подход К. Граве, который предлагает выделять в различных реально практикуемых видах психотерапии общие факторы, компоненты, которые и могут являться реально действующими, независимо от тех представлений, которые вложили их разработчики. Продуктивный характер этого анализа связан с тем, что психотерапевтическая практика рассматривается не как выражение гипотезы разработчика, а как объект, функционирование которого самому разработчику не вполне ясно. Приходящий со стороны исследователь предлагает собственную сетку понятий для анализа того, что происходит между терапевтом и его пациентом. Например, в процессе психотерапевтического взаимодействия может в большей или меньшей степени происходить «прояснение истинных чувств» пациента. Исследователь «оцифровывает» различные психотерапевтические случаи с точки зрения того,

в какой степени в них удалось достичь этого «прояснения истинных чувств», с тем, чтобы потом сопоставить с эффективностью воздействия.

Мы не имеем возможности давать здесь оценку успешности проекта К. Граве и др. Он сам полагает, что именно на подобном пути возможно превращение психотерапии из конфессии в профессию (Grawe et al., 1994). В то же время есть и весьма критические оценки (см., например: Притц, 1997). Здесь важно подчеркнуть, что исследования процесса психотерапии в принципе могут послужить чему-то большему, чем простая проверка эффективности, а именно выполнять эвристическую функцию в разработке новых подходов и методов. Для этого, однако, сам психотерапевтический процесс должен стать предметом теоретического анализа исследователя, выделяющего общие элементы, инварианты в различных подходах, а дальше сопоставляющего их путем статистического анализа данных, используя хорошо известные академическим психологам методы типа множественного регрессионного анализа.

Совокупность вопросов, возникающих, в частности, в связи с подходом Граве, – это пример *совместного движения теоретико-экспериментальной науки и практики*, в котором *они интегрируются, познавая человека*. Психологическая практика создает ситуации, в исследование которых включается теоретико-экспериментальная наука. Другой пример – исследование *методом анализа единичных случаев*, что у нас часто обозначают английским словосочетанием «case study». Это довольно известный метод, наиболее широко используемый в организационной и политической психологии. Возможно, именно на этом пути лежит главная возможность совершенствования В-взаимодействия в сфере психотерапии. В этом случае открывается принципиальная возможность исследовать в одном эксперименте не эффективность психотерапевтического алгоритма в целом, а воздействие его различных временных отрезков по отдельности, причем в связи с индивидуальными особенностями терапевта и пациента. Возможно также, что применение этого метода в сфере психотерапевтических исследований может дать толчок его развитию и применению в других областях психологии.

Доказательная психологическая практика

Важные для психотерапевтической практики события произошли, когда психотерапевтические исследования попали в контекст доказательной медицины (Evidence-Based Medicine, 1992), образовав так называемую доказательную психологическую практику. Под *доказательной медициной* понимается, согласно определению рабочей группы 1992 г., «подход к медицинской практике, при котором решения о применении профилактических, диагностических и лечебных мероприятий принимаются, исходя из имеющихся доказательств их эффективности и безопасности, а такие доказательства подвергаются поиску, сравнению, обобщению и широкому распространению для использования в интересах больных» (Evidence-Based Medicine Working Group, 1992). Казалось бы, что в этом кардинально нового по сравнению с традиционным подходом к медицинской практике? Разве доказательства эффективности и безопасности не являлись всегда решающим аргументом для применения того или иного способа лечения? Необходимо, однако, принять во внимание, что традиционно рекомендации по выбору метода лечения, вошедшие в учебники медицины, во многом основывались на мнении авторитетных специалистов в соответствующих областях, а не на собранных в различных клиниках и статистически обоснованных доказательствах (Царенко, 2004). Доказательная медицина, таким образом, связана с перераспределением весов аргументации: уменьшается вес экспертного суждения и увеличивается – статистических доказательств, полученных в результате контролируемых экспериментов. Фактически происходит признание несовершенства экспертной оценки и ее частичное вытеснение (или дополнение) более объективированными методами (Журавлев, Ушаков, 2011в).

Тенденция к объективации, уменьшению по возможности субъективной роли экспертной оценки в принятии решений в целом должна быть признана прогрессивной по нескольким основаниям.

Во-первых, психологические исследования показывают подверженность экспертной оценки различным искажающим влияниям. Так, в известном эксперименте Чепменов было показано, что корреляции, меньшие, чем $r=0,6$, не воспринимаются клиницистами «на глаз», если у них нет предварительной гипотезы о присутствии этих корреляций. Более того, если предварительная гипотеза наличествует, то корреляции видятся даже там, где их нет или даже их знак отрицателен. Экспертное суждение, таким образом, весьма зависимо от предварительных установок клиницистов.

Во-вторых, эксперты могут иметь свои интересы в отношении оценки различных видов лечения. Искажения могут происходить по причине вольного или невольного завышения авторами или адептами научных школ результатов применения методов, принадлежащих самим авторам или выработанных в их школах.

В-третьих, даже если предположить наличие в научном сообществе идеальных экспертов, обладающих полной прозрачностью и объективностью оценок, все равно для признания их экспертного уровня научному сообществу необходимы объективные критерии оценки, которые можно было бы сравнить с оценками этих экспертов.

Собственно интенсивное развитие доказательных подходов в медицине началось после того, как была показана неэффективность ряда подходов к лечению, рекомендуемых на основе экспертного мнения. Эксперты вырабатывают заключение во многом на основании А-взаимодействия. В лечение закладывается логика, вытекающая из исследования процесса. Если становится известна причина болезнетворного явления, то поиск направляется на механизмы устранения этой причины. Запуск этого механизма и воспринимается как логичный способ лечения заболевания.

Вместе с тем очевидно, что доказательная медицина вызывает одобрение далеко не у всех медиков. Снижение роли экспертного мнения не доставляет особого удовольствия самим экспертам. Вынесение вердикта относительно успешности лечения становится процедурой, несущей значительно меньший личный творческий вклад. Медицинское познание превращается в гигантскую машину, стремящуюся к превращению специалистов в винтики механизма. Логика медицинского рассуждения уступает место процессу поиска необходимой информации.

Порой высказывается мнение, что доказательная медицина – метод давления бюрократов на медиков. Кроме того, доказательная медицина требует изменения работы практикующего врача. Становится необходимым отслеживать результаты многочисленных исследовательских работ, публикуемых в различных журналах, причем главным образом на английском языке.

Новые медицинские подходы не прошли бесследно для психологии. Психологическая практика в ряде западных стран достаточно быстро оказалась затронута доказательным движением. В результате психотерапевтические исследования получили второе дыхание. Надежность свидетельств исследований в пользу того или иного вида психотерапии стала восприниматься как существенно превышающая надежность экспертных оценок авторитетных психотерапевтов. Тот факт, что внутри психотерапии существует непрекращающаяся борьба школ, еще больше склоняет чашу весов в пользу идеи объективации методов оценки эффективности вида психотерапии.

Развитие доказательной практики имеет и организационные последствия. Так, Американская психологическая ассоциация создала по этой проблеме специальную комиссию, которая занялась выявлением видов терапии, эффективность которых может считаться доказанной научными исследованиями. При этом доказательность данных в пользу или против конкретного вида психотерапии была разделена на несколько уровней, на верхнем находятся множественные подтверждения эффективности с помощью рандомизированных контрольных

испытаний двойным слепым методом. В 1995 г. комиссия опубликовала список из 25 видов психотерапии, эффективность которых доказана. К 1998 г. список был расширен до 71 наименования. Многие финансирующие психотерапию организации на локальном, региональном и федеральном уровнях стали использовать этот список для ограничения финансирования теми видами терапии, которые оказались в списке (Levant, 2005).

Американская психологическая ассоциация вновь обратилась к проблеме *доказательной психологической практики*, создав новую комиссию. В ее докладе, в частности, было дано определение: доказательная психологическая практика – соединение высококачественных научных исследований с клиническим экспертным опытом в контексте особенностей, культуры и предпочтений пациента (Evidence-based practice in psychology, 2006).

Следует сказать, что проблематика доказательной психологической практики вызвала весьма эмоционально проходящие дебаты. Можно выделить несколько групп оснований, действующих как за, так и против этого подхода. В пользу доказательной практики работает следующее.

Во-первых, для административного регулирования и финансирования психологической практики важным элементом является оценка ее результатов. Правоохранительная система, законодательство, государственные органы, страховые организации спрашивают у врачей и психотерапевтов обоснования того, что их деятельность оптимальна. Поэтому доказательная практика оказывается привлекательной для администрирования. Так, североамериканский штат Орегон установил, что с 2007 г. 75 % услуг в области душевного здоровья и наркологии, оплачиваемых штатом, должны основываться на доказательной терапии.

Во-вторых, обратная связь является необходимым элементом работы по совершенствованию психологических и психотерапевтических техник. Без понимания того, насколько хороши или плохи результаты применения того или иного метода, невозможно рациональное совершенствование деятельности практикующего психолога или психотерапевта.

В-третьих, идея доказательной практики является привлекательной для клиентов, которые получают удостоверение надежности и обоснованности предлагаемых им услуг. Тем самым у психотерапевтов появляется возможность объявить, что практикуют доказательный метод.

В то же время многие практики относятся к доказательному подходу с большой настороженностью. В деятельности психолога-практика в разных сочетаниях присутствуют две стороны. Одна из них, наиболее творческая, связана с разработкой новых технологий психологической работы. Другая заключается в том, чтобы эти технологии использовать и реализовывать для пользы конкретному пациенту. Конечно, среди психотерапевтов есть те, кто внес своего больше, и те, кому это удалось меньше, но все же *творческий характер профессии* определяется тем, что у каждого есть потенциальная возможность своего вклада. Доказательная практика в тех формах, в каких она сейчас намечается, фактически вынуждает психотерапевтов быть исполнителями чужих технологий, допуская, возможно, и существование категории «инженеров», которым поручено эти технологии создавать и совершенствовать. Кроме того, между первыми и вторыми встают преподаватели и тренеры, которые тиражируют технологии, обучая практиков-исполнителей их использованию. Такая перспектива мало кого радует. Как пишет известный психотерапевт, «туда, где все ясно, приходят учиться те, кому важно, чтобы все было ясно, а если над ними еще и простерта длань обязательного, не ими выбранного супервизора и ему тоже все ясно... и если все „методики, техники и приемы“ описаны в методических рекомендациях, то, пожалуй, по сравнению с этим царством гармонии кабинет психотерапевта в районном ПНД советских времен еще покажется оазисом в пустыне» (Михайлова, 2006, с. 80).

В некоторых случаях психотерапевты, особенно западные, чувствуют себя финансово задетыми ограничениями, побуждающими к занятиям доказательной практикой. Порой выска-

зываются предположения, что доказательная психотерапия может быть использована как рычаг манипуляций со стороны компаний в отношении психотерапевтов.

Субъективные проблемы доказательной психологической практики дополняются объективными, на которые обращают внимание ее противники. Этому способствует и то обстоятельство, что психотерапевтические исследования стали развиваться намного позже психотерапии и являются еще достаточно молодой сферой исследований.

Возникает, например, законный вопрос, откуда придут новые технологии, если самостоятельное экспериментирование и отклонение от алгоритмов в работе с пациентом не приветствуется? В медицине эти технологии приходят из А-взаимодействия, затем проверяются на морских свинках или кроликах и лишь потом допускаются до применения на людях. А как быть психотерапии, А-взаимодействие в которой пока не достигло подобных высот, а отработка методов лечения словом на мышках вряд ли разумна?

Еще одна группа замечаний касается использования рандомизированных контрольных испытаний. Этот метод способен работать, если установлен четкий контроль над рядом параметров. Так, должен однозначно контролироваться тип расстройства для экспериментальной и контрольной групп. Отбор пациентов в группы предполагает типизацию расстройств, отклонение промежуточных и смешанных случаев, что затрудняет использование результатов на практике, где чистых случаев не так много.

В результате анализ смешанных и промежуточных случаев затрудняется. Для проведения исследования необходим также отбор, четко определенная группа пациентов. Психотерапевтический метод должен быть однозначно определен, а желательно – алгоритмизирован. Вариации метода трудно поддаются изучению. Выдвигается и такое соображение, что пациенты не определяются на психотерапию, связанную с исследованием, случайным образом, поэтому вопрос касается репрезентативности выборки.

Кроме того, для проведения исследований не так просто определить, что понимается под выздоровлением или улучшением состояния пациента. Для бихевиоральной психотерапии за улучшение состояния может быть принято исчезновение неадаптивного поведения (например, боязни пауков), для психоанализа – гармонизация отношений разных инстанций личности.

Дискуссии о подходе, основанном на оценке эффективности консультативной практики, начавшись на Западе, дошла и до отечественной психологии. Представляется, что хорошо отражает ситуацию в его противоречивости и полифоничности следующая цитата в цитате, где один известный российский специалист комментирует высказывание другого.

«Я бы согласился с мнением Ф. Е. Василюка (Василюк, 2003), что довольно нелепо требовать „объективных критериев“ в деле, вся суть которого „субъективна“⁶, если бы не несколько „но“...

Во-первых, за свою „субъективно неизмеримую работу“ психотерапевт хочет получать вполне измеримую объективную плату. Согласимся, что у страховой кассы или работодателя могут появиться основания для сомнения в качестве принципиально необъективируемого вида труда.

Во-вторых, я бы не абсолютизировал идею „субъективного улучшения“... можно, например, напомнить, что нарастание когнитивного дефицита часто приводит к снижению критичности и, как следствие, некоторой эйфории...

В-третьих... как никакой эффект магических ритуалов не может обосновать существование таких хронотопов, как демоны, злые силы и пр., так и никакой успех практикующего

---

⁶ Имеется в виду следующий фрагмент: «Искать [путь решения проблемы эффективности психотерапии] нужно не в старом тупике, где трудоемкими усилиями с помощью новейших компьютеров и изощренных статистических программ добывается нелепый с психотерапевтической точки зрения материал только потому, что он желателен для страховых касс и ответственных за психотерапию чиновников, требующих „объективных критериев“ в деле, вся суть которого, вся объективность которого – субъективна» (Василюк, 2003, с. 39).

психотерапевта не доказывает научной обоснованности теоретических постулатов, лежащих в основе используемой ими техники» (Тхостов, 2006, с. 107–108).

Подход А. Ш. Тхостова представляется весьма взвешенным. С одной стороны, нельзя отрицать, что попытка измерения столь тонкого явления, как эффект психотерапевтического воздействия, – весьма непростая задача. С другой стороны, как можно просить денег за то, эффект чего неясен.

Задача измерения социальных или психических феноменов в социологии и психологии очень нетривиальна, измерение эффекта психотерапии в этом контексте – далеко не самый сложный случай. Поэтому вопрос, вероятно, не в том, чтобы отрицать ее, а в том, чтобы совершенствовать наши способы измерения и оценки валидности существующих способов. Представляется, что об этом говорит и Василюк в обсуждаемом фрагменте. Однако все дело в расстановке акцентов, которая часто связана с реальной практикой психотерапевта и теми угрозами, которые заключены для них в распространении доказательных методов.

Вклад практики в развитие фундаментальной психологической науки

Поскольку мы использовали термины *А-* и *В-взаимодействие*, может возникнуть вопрос о том, в какой мере влияние фундаментальной науки и практики является действительно взаимным, а не односторонним. В отношении *В-взаимодействия* ответ на этот вопрос очевиден: используются данные, полученные в процессе практики, а их сбор и обработка осуществляются с помощью инструментов, относящихся к сфере науки. Таким образом, новое знание оказывается результатом взаимодействия двух сторон.

С *А-взаимодействием* дело обстоит несколько сложнее. С первого взгляда очевиден перенос моделей из экспериментальной науки в практику, но не ясно, получает ли наука взамен что-либо, кроме престижа, хотя и последнее обстоятельство отнюдь не маловажно. Более тщательный анализ, однако, показывает, что обратное направление – от практики к фундаментальной науке – чрезвычайно важно, так как существенно обогащает фундаментальную науку. Кратко остановимся на основных моментах.

Центральным направлением, в котором практика дает импульс теории, является образование прикладных областей психологии. Прикладные направления, подобно фундаментальным, применяют эксперимент и другие виды эмпирических исследований для обоснования теоретических моделей, занимаясь при этом установлением закономерностей в практически важных сферах действительности. Соответственно практика, наряду с фундаментальной наукой, выступает источником создания прикладных направлений психологии. Некоторые из них, подобно, например, инженерной или педагогической психологии, приобрели официальный статус (в нашей стране они являются специальностями, признанными ВАК для защиты диссертаций, и т. д.) и сыграли немалую роль в институционализации психологии как науки.

Богатство и разнообразие прикладных областей – условие успешного развития фундаментальной науки, поскольку этим создается возможность проверки общих принципов и моделей в разных эмпирических условиях. Этот процесс ясно виден в сфере, например, инженерной психологии, которая выступила точкой приложения информационного подхода, ставшего одной из центральных парадигм психологии. В сфере психотерапии, психологического консультирования и связанных с ними прикладных областей такое обратное влияние на фундаментальную психологию, пожалуй, назвать труднее. Перенос фрейдистских идей, как это было в случае «New look» и ряде других фундаментальных психологических теорий⁷, не только уже достаточно давно закончился, но и не был движением от практики к фундаментальной науке через прикладную, а скорее приводился механизмами общекультурного распростране-

---

⁷ Дж. Флейвелл, например, пишет о «флирте Ж. Пиаже с психоанализом».

ния идей. К тому же, как мы видели выше на примере Бека, прямая проверка психоаналитических идей экспериментальными методами приводит к неудаче. Тем не менее очевидно, что в общем случае практика через создание экспериментальных прикладных областей стимулирует рост фундаментальной науки.

У психологии есть дополнительная особенность, которая делает прикладные исследования специально важными для фундаментальных: связи ее объекта – психики человека – с социальными и культурными условиями его существования. Человек проявляется в контексте, который специфичен и не может быть зарегистрирован в лаборатории, помимо естественной среды. В этом плане практика позволяет осуществлять эту связь с естественной средой, вводить эту среду в качестве предмета в фундаментальные исследования. При этом взаимодействие экспериментальной науки и практики происходит в виде своего рода *циклов*. Нередко стартовым пунктом для разработки психодиагностических методик оказываются методики исследовательские, созданные для нужд психологического эксперимента. После их тщательной отработки в лабораториях, глубокого теоретического осмысления измеряемых ими характеристик выявляется их диагностический потенциал, что через соответствующую психометрическую «доработку» позволяет выпустить их в практику. Применение же в практике приводит к получению результатов, связанных с реальным местом измеряемых этим методом свойств в жизни, которые, так сказать, вторым «витком» вводят метод в сферу фундаментального анализа.

Этот же цикл жизни психодиагностического инструмента иногда начинается по-другому – в сфере практики. Методика создается сначала для решения практических проблем. Однако затем она теоретически осмысливается, вводится в лабораторный эксперимент и, получив новое звучание, возвращается в практику. Так или иначе, но *в сфере психодиагностики* ярко проявляется сотрудничество представителей фундаментальной науки и практики в глубоком постижении психологии человека.

Наконец, еще одна специфическая черта нашей науки состоит в том, что психологи нередко основывают свои теоретические построения на опыте повседневной жизни, а иногда и прямо признаются в этом (Sternberg, 2007). Профессиональная практика в какой-либо сфере означает постоянное обращение специалиста к соответствующему кругу проблем, что, безусловно, накладывает отпечаток на стиль теоретизирования. Ярким примером области, в которой теоретические идеи возникают из практического опыта, является психотерапия, причем от ее классических образцов до современных работ. Возникающие в процессе психотерапевтической практики теоретические идеи не всегда легко поддаются экспериментальной проверке, что не умаляет эвристической ценности этой практики для теории. Идеи, связанные с ходом психотерапевтического процесса, на сегодняшний день плохо моделируются экспериментом, однако условия его протекания, связанные как с ситуацией, так и с личностными факторами, вполне поддаются эмпирическому анализу.

Современные научные публикации организованы таким образом, что в них не отражены источники идей, научную общественность не интересует, как автор додумался до той или иной идеи, произошло ли это в ванне, как в случае Архимеда, или в саду под яблоней, как в случае Ньютона. Важно, что показывает проверка идеи. Однако для протекания процесса научного открытия это центральный момент.

Таким образом, во взаимодействии теоретико-экспериментальной науки с психологической практикой в выигрыше оказываются обе стороны. Психологическая практика получает от науки *новые методы, объективное обоснование эффективности* а также *систему научных ориентиров*, позволяющих направлять психологический процесс воздействия, хотя взаимодействие с клиентом, основанное на учете его индивидуальности и уникальности жизненной ситуации, в которой он находится, по-прежнему остается *искусством, мастерством*, приобретаемым в результате специального обучения и накопления практики работы и требующим профессиональных способностей и таланта. Фундаментальная наука, в свою очередь, получает

содержательную подпитку от психологической практики в виде *новых идей*. Необходимо отметить, что практика может получать эффективную поддержку от фундаментальной науки только в той степени, в какой последняя успешно развивается и способна решать крупные и принципиальные задачи. Следовательно, результативная и эффективная психологическая практика основывается на соответствующей поддержке фундаментальных исследований.

Заключительный диагноз: общие или специфически гуманитарные закономерности?

Итак, в целом проведенный анализ показывает, что разрыв экспериментальной психологической науки и практики не стоит абсолютизировать. Практика всегда во всех областях знания имеет определенную долю автономии от экспериментальной науки. В то же время взаимодействие различных областей психологии осуществляется по-разному: в некоторых из них модели, подтвержденные экспериментом, лежат в основе практических технологий, в других этого не происходит, однако и там экспериментально обоснованные знания так или иначе применимы на практике. Указанное обстоятельство не свидетельствует в пользу того, чтобы приписывать психологической практике специфические закономерности, противопоставляющие ее естественно-научной практике.

Проведенный анализ показывает, что многое в отношениях экспериментальной психологии и практики может быть понято в терминах А- и В-взаимодействий. Между тем эти понятия в равной мере могут быть отнесены к взаимоотношениям с практикой как естественных наук, так и психологии. Таким образом, мы вновь констатируем, что нет большой необходимости в специальной апелляции к особому статусу гуманитарного знания, чтобы понять связь психологической практики с экспериментальной наукой.

Более того, при анализе проблем, с которыми сталкивается психологическая практика при движении навстречу экспериментально обоснованной теории, мы не встречаем тех, что предсказаны психологическим конструктивизмом. Отдавая должное глубине анализа Розина, все же следует признать, что пока не видно оснований для радикального противопоставления природы психологической практики как гуманитарной тем практикам, которые связаны с естественными науками.

Таким образом, можно утверждать, что способы взаимодействия фундаментальной науки и практики в такой области психологии, как психотерапия, хотя и являются специфическими, тем не менее могут быть описаны в тех же схемах, что и в других областях, в том числе в естественно-научных. Как показывает предшествующий анализ, методологические принципы, предложенные Пономаревым, продолжают оставаться актуальными. Концепция типов научного знания Пономарева сложилась к 1980 г., задолго до того, как состояние дел в сфере соотношения фундаментальной психологии и психологической практики начало приобретать современные очертания. Нынешнее состояние позволяет их существенно обогатить. Это состояние может быть описано как оперирующее преимущественно *знаниями эмпирического типа*, т. е. локальными моделями отдельных процессов. Эти модели являются весьма эффективными регуляторами практики, которая относится к явлениям, релевантным по уровню этим локальным моделям, как это происходит, например, в инженерной психологии. Там, где необходимо охватывать процессы, относящиеся к уровню человеческой личности в целом, как это, например, нередко происходит при психотерапии, локальные модели оказываются существенно менее эффективными, что и приводит к констатации разрыва между экспериментальной психологией и психологической практикой.

Сегодня наработана и реально функционирует *схема взаимодействия*, при которой теоретико-экспериментальная наука, выявляя общие закономерности поведения людей в тех или иных сложных жизненных ситуациях и устанавливая детерминанты успешности их разреше-

ния, снабжает практиков конкретными знаниями о факторах, на которые необходимо воздействовать для повышения вероятности благоприятного исхода, возникновения наиболее типичных сценариев развития ситуации и т. д. Все это достигается путем эффективного применения локальных моделей, которые могут быть использованы квалифицированным клиницистом для выработки оптимальной линии психотерапевтической помощи. Теоретико-экспериментальная наука дает знания о факторах, определяющих успешность преодоления человеком тех или иных ситуаций. Такие знания должны быть преломлены консультантом через призму его понимания *психологического процесса воздействия* и, что принципиально, через призму понимания *индивидуальных особенностей* взаимодействующего с ним человека. Теоретико-экспериментальная наука разрабатывает схемы, которые ориентируют консультанта, снабжают его чрезвычайно важным знанием о сложнейших механизмах и детерминантах, а также об условиях их эффективного действия. Но только *высокая квалификация* консультанта, его способность гибко применять схемы, а не оказываться у них в плену может обеспечить успешность многообразных процессов воздействия.

Что делать?

Теперь на основе произведенных констатаций необходимо перейти к самому сложному – обозначению желательных перспективных путей развития. В этом контексте, прежде всего, следует признать, что тот относительный разрыв, который наблюдается между некоторыми отраслями теоретико-экспериментальной психологии и практики, объективно является обстоятельством, тормозящим развитие и академической психологии, и практики. Это, безусловно, закономерный *этап развития* психологического знания, который, однако, связан не с имманентной и постоянной характеристикой нашей науки. Можно оценивать его как неизбежность. Однако вряд ли найдется кто-то из серьезных психологов, считающих этот разрыв благом, поэтому разумно стремиться к его преодолению, предлагая для этого различные программы. Сегодня возможны разные точки зрения на структурные причины нестыковок между фундаментальной психологией и практикой, однако состоят ли эти причины в господстве эмпирического типа знания или в чрезмерном акценте на естественно-научную составляющую психологии, дальнейшее прогрессивное развитие исследований обещает привести к сближению этих двух частей знания.

Представляется, что те схемы анализа, которые были предложены выше, позволяют наметить пути дальнейшего сближения академической науки и психологической практики как в более близкой, так и в отдаленной перспективе (Ушаков, Журавлев, 2012б). Речь может идти о совершенствовании как А-, так и В-взаимодействия.

Наиболее мощный толчок к развитию практика получает при эффективном А-взаимодействии, которое является обогащающим, хотя появление новых методов и сопровождающее его устаревание существующих может быть болезненным процессом. Таким образом, развитие этого вида взаимодействия открывает пути к существенному повышению «научаемости» психологической практики.

В развитии А-взаимодействия между теоретико-экспериментальной наукой и такими областями практики, как психотерапия, можно выделить программу-максимум и программу-минимум. Программа-максимум включает развитие фундаментальных исследований, при котором появляется возможность создания глобальной модели (или глобальных моделей) за счет расширения моделируемости ситуаций внутри единой теории. Программа-минимум состоит в развитии локальных моделей и увеличении их практической применимости.

Характерной особенностью психологии является то, что экспериментально моделируемы лишь отдельные ситуации, выявляющие некоторые особенности поведения человека из многих. Человек очень разнообразен, «широк», как говорил Ф. М. Достоевский. Отдельный экс-

перимент выявляет крайне малую сферу его поведения. В то же время гипотезы в психологии строятся так, чтобы их можно было проверить отдельным экспериментом. Тем самым складывается различие масштабов между теоретико-экспериментальными построениями и реальностями целостной человеческой личности. Например, модели когнитивной психологии, ее понятия, такие, как компоненты памяти, фильтры внимания, семантические сети, не могли бы возникнуть, не будь соответствующих средств моделирования, связанных с экспериментальными приемами типа прайминга. Эти средства моделирования задают алфавит теоретического языка, допускающего операционализацию в психологическом эксперименте. Этот язык осуществляет перевод на некоторые диалекты практики, но, к сожалению, плохо переводим на другие языки. Перечисленные выше когнитивные термины могут быть соотнесены с практикой инженерной психологии, для которой важны процессы переработки информации. Этим задается путь от эксперимента через теорию к практике для инженерной психологии. Однако этот язык менее соотносим с проблематикой психотерапии в таких ее проблемах, как жизненный путь личности, отношения клиента с терапевтом и т. д., хотя, учитывая работы Бека, нельзя говорить о полной несоотносимости.

Соответственно программа-максимум заключается в устранении того разрыва масштабов, о котором речь шла выше, на пути развития средств психологического моделирования. Чем же определяется тот факт, что в некоторых науках средства моделирования оказываются значительно более мощными, чем в других? Очевидно, здесь играют роль два фактора. Во-первых, очевидно, что развитие средств моделирования происходит тем легче и быстрее, чем относительно проще объект исследования. Если воспользоваться старым различием «уровней движения материи», то можно ожидать, что науки, имеющие дело с «нижележащими уровнями», будут быстрее формировать средства моделирования, чем науки, относящиеся к «вышележащим уровням». В соответствии с этими ожиданиями для физики классическое соотношение науки и практики намного более характерно, чем для психологии.

Во-вторых, принципиально важен фактор соотношения усилий, затраченных обществом на развитие фундаментальной науки, и запросов практики. Развитие средств моделирования, которое оказывается здесь ключевым моментом, входит в контекст фундаментальной науки и обычно в большей мере стимулируется собственной логикой развития науки, чем практическими запросами. Так, запрос на создание разрушительного оружия издавна сопутствует истории человеческих обществ. Однако лишь внутренняя логика исследований микромира привела к появлению возможности использования энергии атома для разрушительного взрыва, возможности, которая и была реализована для удовлетворения издавна существовавшей потребности. Более того, эта внутренняя логика исследования по большей части мало-предсказуема для внешнего наблюдения: можно вспомнить, что та самая ядерная физика, которая в 1940-х и 1950-х годах стала чуть ли не центральной из наук, еще в 1930-х критиковалась как практически бесполезная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.